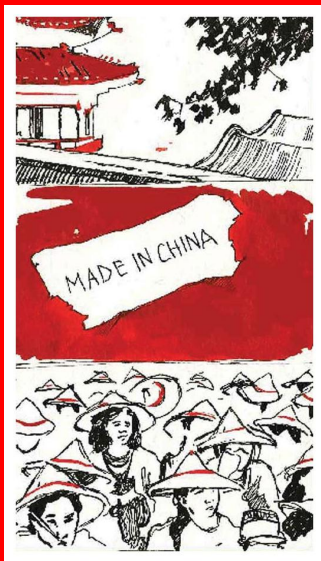

Шуваев Павел
Темиров Артём

КНР.

Китайская Незвестная Реальность

Оглавление

Предисловие	5
I Чему нас учит история	11
Глава 1. Первокитайцы: народ без памяти и без истории	12
Глава 2. Сказ о том, как китайцы придумали богов	32

Глава 3. История о том, как евнух приказал царю покончить с сбой, а крестьянин стал императором	64
---	----

Глава 4. Набеги да наскоки	85
----------------------------	----

II Этический авторитаризм или как формируется внутренний мир китайцев	103
---	-----

Глава 1. Особенности китайского морального сознания или почему у китайцев нет совести	104
---	-----

Глава 2. В чём ли семьи или почему в Китае убивают новорождённых девочек	136
--	-----

Глава 3. Средневековые взгляды в со-	
--------------------------------------	--

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
временном мире	180
Семья и клан	180
Гуанси, мянцзы и жэньцин	190
Глава 4. Отчуждение субъекта	205
Воспитание и социализация	206
Иерархизированность общества . . .	213
Мировоззрение и индивид	220
III Во всём виноват язык	233
Глава 1. Миф о Первокитайце или история письма	234
Глава 2. Гипотеза графическо-лингвистической относительности	248
Естественное ограничение китайского мышления	261

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	4
-------------------	---

Глава 3. Китайский язык и отсутствие теоретических наук	269
--	-----

Послесловие	279
-------------	-----

Библиография	284
--------------	-----

Предисловие

Очень сложно ответить на вопрос, как родилась идея написать книгу о Китае. Китай для нас не просто страна, а их культура — не просто культура некоего азиатского народа. Так сложилось, что с раннего детства мы оба интересовались восточными боевыми искусствами, обожали фильмы с Брюсом Ли и Джеки Чаном, в каллиграфии видели нечто магическое, а пробовать себя в медитации начали в возрасте десяти лет. Конечно,

мы не были сумасшедшими фанатиками, однако определённый пиетет перед всем китайским у нас сложился. Когда пришло время поступать в университет, у нас не было сомнений в том, что мы хотим изучать китайский язык и китайскую культуру. Впрочем, последняя нас тогда интересовала в большей степени, а язык был необходим для её лучшего понимания. Так мы оба и оказались на философском факультете, казалось, что там нам помогут хоть в чём-то разобраться. Первые исследовательские работы были посвящены даосской философии, два года мы учили китайский язык. И вот, после второго курса университет отправил нас в Китай.

Страна поразила нас с первого же дня. Это были безмятежные пять или шесть недель эйфории, когда мы ещё только привыкали к принципиально иной реальности.

Всё виделось невероятно интересным, любое отличие воспринималось максимально ярко, и казалось, что китайская культура витала возле нас, наполняла каждую улочку — буквально всё, даже воздух. Когда мы ехали в Китай, нашей целью было узнать его по-настоящему, мы хотели прочувствовать эту страну и народ. Ввиду этого, первые полгода, всё свободное время мы проводили не в библиотеках, а на улице, в кафе, барах, музеях. Мы также устроились работать преподавателями иностранного языка, чтобы была возможность общаться с китайцами. После двух месяцев вживания в эту реальность, стало понятно, что всё то, что мы знали о Китае до приезда, думали о китайцах и их культуре — всё очень сомнительно. В России образ этой страны складывался из прочтённого в книгах, услышанного на лекциях, увиден-

ного в кино. В голове рисовалась абсурдная картина, что почти все на улицах занимаются тайцзицюань или медитируют; что люди в Китае мудрые, знают наизусть конфуцианские и/или даосские тексты и руководствуются ими в своих поступках; что каждая минута жизни китайцев пропитана некой древней великой китайской мудростью. Реальность оказалась куда более прозаичной. Образ Китая, навязываемый в российских университетах, оказался не более, чем продуктом сознания российских же учёных. На пекинских улицах люди практиковали дыхательную гимнастику — выполняли упражнения из тайцзицюань, смысл которых они в большинстве своём не понимали. О том, кто такой Конфуций, Лао Цзы или Будда подавляющее большинство китайцев просто не знали. У нас случился экзистенциальный шок. Мы оказались

среди людей, поведение и мышление которых были не в состоянии объяснить. Та культура, которую мы принимали за китайскую, имела очень тонкие связи с действительностью, она осталась далеко в прошлом. Опыт непосредственного общения с китайцами дал понять, что их сознание и мышление разительно отличаются от западного представления о них. Так культура, которую мы хотели изучать, оказалась мёртвой; люди, от которых мы ждали помощи в её познании, оказались далеки от неё. Как следствие, и культура, и люди стали вызывать отторжение.

Два месяца ушло на то, чтобы справиться с этими чувствами. Интерес к Китаю возродился. Постоянное общение с китайцами по работе и дружбе, а также ежедневные столкновения с ними на улицах поставили перед нами новые вопросы. Почему они такие, ка-

кие они есть? Могли ли они быть другими? Как древние учения, которые мы изучали, повлияли на сознание современного китайца? Не имеет смысла перечислять весь длинный список вопросов, волновавших нас в то время. Но именно так начались наши исследования. Вернувшись из Китая, мы больше не интересовались копанием в древних книгах и все-ленских китайских мудростях. Главным стало — понять, что представляет из себя сознание китайца. Так два года были потрачены на исследования, которые и легли в основу этой книги.

Часть I

Чему нас учит история

Глава 1

Первокитайцы: народ без памяти и без истории

Китай — страна истории. Она гармонично вписана в повседневную жизнь населения «Поднебесной». Люди живут в городах, построенных ещё во времена первых династий Шан и Чжоу. Ходят по древним улочкам,

окружённым историческими постройками, в которых до сих пор кипит жизнь. Разбивают городские парки на территории бывших дворцов средневековой знати, где открываются прекрасные виды на архитектуру старины, позволяя вдыхать атмосферу ушедших столетий. Музеи изобилуют реликвиями прошлого, а иногда их можно встретить даже на прилавках уличных торговцев.

Китайцы гордятся своей историей, считают её достоянием нации. И, конечно же, чтобы она была как можно прекраснее, не раз прибегали к мифотворчеству. Иногда сам миф диктовал условия для создания новой реальности страны. Этому способствовала своего рода историческая амнезия, которую можно наблюдать в период существования протогосударства под правлением династии Шан. Тогда не было передаваемых из поколе-

Первокитайцы: народ без памяти... 14

ния в поколение сказаний о деяниях великих предков, что характерно для цивилизаций того периода в разных регионах мира — будь то Ближний Восток или Индия. Это позволило удачно интерпретировать миф, в результате чего было дано обоснование законного перехода власти к племени-завоевателю, которое положило начало новой правящей династии в истории Китая, просуществовавшей без малого восемь столетий.

При изучении истории древних цивилизаций большую роль играют письменные источники, дошедшие до наших дней из глубины веков. В них часто можно встретить необходимую для исследователя информацию о перемещениях народов, об их экономической и политической развитости, социальном укладе, иногда даже о нравах людей живших в те времена — в общем, всё то, что позволя-

ет составить правдивую картину жизни древних народов. Эти исторически значимые сведения чаще всего оказываются мельчайшими вкраплениями в теле мифа или историзованных легенд, которыми изобилуют древнейшие китайские трактаты, начиная с «Шуцзин» (Книги документов), составленного в начале эпохи Чжоу, а затем и других текстов, составленных чуть позже и отредактированных Конфуцием. Но сколь масштабным и значимым бы ни был трактат, его всё равно оказывается не достаточно, чтобы восстановить события, предшествовавшие его возникновению. Так, например, история династии Шан, положившей начало китайскому протогосударству, практически не нашла отражения в письменных источниках, что не позволяет найти ответы на многие вопросы о событиях происшедших в эту историческую эпоху

Вполне можно считать, что там, где анализ древних трактатов не справляется с заполнением белых пятен истории «Поднебесной», преуспели современные антропология и археология, которые позволили обнаружить мощные пласты предыстории Китая. Сделанные ими находки свидетельствуют о том, что подлинная предыстория начинается с так называемого синантропа¹. Это название было дано человекообразной обезьяне, костные останки которой были обнаружены в 1923 году в Чжоукоудяньских гrotах близ Пекина, и позже в других районах современного Китая. Их анализ показал, что синантроп проживал 600–400 тыс. лет назад на территории Юго-Восточной Азии, в период оле-

---

¹Меликсетов А.В. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2000

денения, а исследование челюстных останков позволило рассматривать его как основного участника формирования монголоидной расы. Подобные выводы создали предпосылку для возникновения гипотезы мультирегионального происхождения человека, сторонники которой придерживаются мнения о параллельной эволюции предков человека на разных континентах. Часто к ней прибегают для научного обоснования расизма, будто разные предковые корни предопределили различие в развитии человеческих рас. Эта гипотеза не безосновательна, хотя среди антропологов есть сомнения в её справедливости. Всё больше учёные склоняются к тому, что синантроп был тупиковой ветвью развития человекообразных. И, как нельзя кстати, в связи с этим был обнаружен ряд явно западных черт и

Первокитайцы: народ без памяти... 18
признаков в культуре Динцунь², датируемой
примерно 200–150 тыс. лет назад, что позво-
лило сильнее усомниться в гипотезе. Учёные-
историки ещё долго будут спорить по поводу
роли динцуньского человека или синантропа
в становлении современного монголоида, был
ли это закрытый процесс, протекавший на од-
ной территории или нет? Но уже сейчас ав-
торитетные сторонники гипотезы признают,
что о чистоте происхождения говорить нель-
зя, что в определённый момент был «кто-то
ещё», кто пришёл в Китай извне, что оказало
влияние на формировавшегося в том регионе
человека.

---

²В районе деревни Динцунь провинции Шанси бы-
ли обнаружены фрагменты палеолитических стоянок,
включавших в себя различные каменные орудия тру-
да, но останков древнего человека этого периода обна-
ружено не было.

Главным моментом в развитии древних людей независимо от того, какой антропологический тип оказал на них влияние, является неолитическая революция (X–VI тыс. до н.э.), в результате которой произошли наиболее значимые изменения в повседневной жизни человека того периода. Произошёл переход от присваивающей экономики к производящему хозяйству, земледелию и скотоводству. Люди стали вести оседлый образ жизни, были одомашнены различные виды животных, освоено выращивание злаков и других растений. Появились навыки прядения и ткачества, изготовления керамических сосудов для хранения и приготовления пищи. Всё это привело к быстрому росту численности и распространению неолитических земледельцев по различным регионам материка, а также к возможности накопления продуктов пи-

тания и ремесла, что позволило иметь запасы на случай нужды и содержать часть общества, не связанную с производящим трудом.

На территории Китая первые неолитические культуры появились в VI–V тыс. до н.э. в виде неолита расписной керамики. Самыми яркими из них являются комплекс культур Яншао в бассейне Хуанхэ. Они хорошо изучены и детально описаны археологами. Для этого периода характерно развитие мифологического сознания, что отразилось в элементах росписи керамических сосудов, демонстрирующих духовный мир и мифо-религиозные воззрения эпохи Яншао. Сосуды были разнообразны по форме и назначению, со сложными узорами и рисунками, нанесёнными чёрной краской. Поселения этого времени состояли из нескольких домов, мастерских для изготовления орудий и обжига керамики и од-

ного большего по размеру здания, служившего, по-видимому, ритуально-культовым центром общины. Само жилище в основном было квадратной или круглой полуземлянкой с небольшим очагом. Уже использовались в быту разнообразные орудия труда: ножи, топоры, молотки, серпы, шилья, иглы, крючки — все они были тщательно обработаны и отшлифованы, изготавливались из различных материалов, например, камня или кости. При раскопках весь этот инвентарь встречался вместе с костными останками, что позволяет сделать вывод о практикуемом в те времена ритуально-погребальном культе.

Просуществовала эта культура до III-II тыс. до н.э., после чего на смену ей достаточно быстро пришла группа культур Луншань, характеризующаяся чёрно-серой керамикой уже без яркой росписи. Основой для

этого культурного пласта, конечно же, была эпоха Яншоу, хотя уже прослеживается значительное культурное влияние извне на проходящие в этом регионе процессы. Так были привнесены гончарный круг, новые сорта зерна, а так же новые породы скота. Но всё же кое-что специфически «своё» подчёркивает особенность данного периода; возникла практика гадания на костях и особые сосуды на трёх ножках, ставшие визитной карточкой всего древнего Китая. Луншаньская культура так же значима тем, что возникающие земледельческие поселения в этот период заложили основу для появления протогосударств. Сложились достаточно благоприятные условия, что позволило общинам производить такое количество продуктов питания, которое могло обеспечить едой прослойку общества, освобождённую от физического труда: прави-

теля с родственниками, жрецов, воинов. Ярким свидетельством возникновения зачатков будущего государства являются обнаруженные дворцовые комплексы в Эрлитоу и Эрлигане.

О первой полноценной китайской цивилизации, существовавшей в период развитого бронзового века, повествуют археологические находки, сделанные в 20-х годах прошлого столетия в районе современного города Аньян. Среди находок были гадательные кости, на которых были нанесены различные идеограммы³. До того как попасть в руки учёных, они на протяжении столетий пугали тех, кто их обнаруживал. Про них рассказывали легенды, что эти кости принадлежали водив-

---

³Идеограмма — один из ранних видов письменных знаков, представляющих собой условное изображение, рисунок.

шимся когда-то в этих краях драконам, и перепуганные крестьяне, сделав страшную находку на своей пашне, спешили сбросить их в колодец, чтобы вернуть «волшебным» существам останки их потомков. Некоторые же находчивые жители Поднебесной поставляли «кости драконов» в аптеку как лекарство, способное исцелить многие болезни. Кости и правда оказались «чудесными». Расшифровка содержащихся на них записей предоставила ряд ценных сведений, сопоставление которых с древним трактатом «Ши цзи» позволило обнаружить не драконов, конечно, но не менее древнюю цивилизацию Шан-Инь. Не менее удивительными были находки в многочисленных царских гробницах. Помимо сотен сопровождавших правителя на тот свет слуг и жён, так же были превосходные изделия из камня, бронзы, дерева и кости, но

самым удивительным оказались обнаруженные в захоронениях боевые колесницы. Столь невероятной эту находку делает тот факт, что в те времена на территории Китая не было ни колесниц, ни повозок, ни даже колёс, а так же отсутствовали одомашненные лошади, как и их дикие сородичи, они просто не водились в том регионе⁴. Объяснить это можно тем, что цивилизация Шан-Инь имела на протяжении своей истории соприкосновения с древними цивилизациями Ближнего Востока, где, собственно, были изобретены колесницы и появились первые одомашненные лошади.

Территориальное устройство протогосударства Шан представляло собой сложное составное образование, делившееся на несколько неравных частей, каждая из которых под-

---

⁴Меликсетов А.В. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2000

чинялась правителю — вану. Первая — главная часть с центром в столице — управлялась самим ваном, который в ней проживал вместе с приближёнными, чиновниками, воинами и слугами. На её территории располагались дворцы, казармы, склады, мастерские и большие поля. Этим полям отводилась значительная роль, благодаря им стало возможно собирать достаточный урожай для содержания правящего слоя. В их обработке иногда принимал участие сам ван и его окружение либо, что было значительно чаще, призывались крестьяне окрестных поселений. Стоит ли это делать, правитель часто спрашивал у своих предков в процессе гадания на костях. По всей видимости, их «ответ» толковался как положительный, поскольку при раскопках был обнаружен склад с несколькими тысячами казённых серпов для выдачи

крестьянам при сборе урожая.

Вокруг центральной части находился внутренний пояс нэйфу, обширная территория уделов, управляемых родственниками и приближёнными вана. Такие владения часто выделялись титулованной знати прямым указом, о чём правитель так же советовался с предками в процессе гадания. Благодаря этому до наших дней дошло множество гадательных костей, из которых можно сделать вывод, что подобных уделов было около двух сотен. Их размеры не были одинаковыми, в некоторые входили десятки поселений, что делало их вполне самостоятельными маленькими государствами, которые вели друг с другом междоусобные войны, увеличивая либо сокращая величину удела. Поскольку основным источником сведений о происходивших в те времена событиях являются

надписи на костях, то об уделах нам известно только то, через какой из них ван отправлялся в военный поход, или на какой совершено нападение соседних варварских племён, из которых состоял внешний пояс вайфу.

Боевые действия с племенами, граничащими с Шан, практически не прекращались. Из военных походов вану доставляли богатые дары, значительной частью которых являлись военнопленные. Их участь в столице была незавидной. Как свидетельствуют гадательные кости, пленных приносили в жертву предкам вана, иногда такое жертвоприношение исчислялось сотнями иноплеменников. Хотя контакт с другими племенами не всегда носил столь кровопролитный и жестокий характер, иногда они становились союзниками, когда начиналась очередная междоусобица среди удельных правителей. Подобное

сотрудничество оказывалось благоприятным для менее развитых племён, которые перенимали культурные достижения шанцев, благодаря чему становились более укреплёнными и сильными, по крайней мере, так было с племенем чжоусцев.

Если сравнить духовную культуру шанцев с предшествовавшими ей культурами, то можно заметить её стремительное движение к упадку. У них не были обнаружены храмы или храмовые комплексы, но были алтари в честь умерших и обожествлённых предков шанди. Место божеств занимали признанные и уважаемые предки вана, в то время как о героях, свойственных всем мифологиям протогосударств Ближнего Востока или Индии, нет никаких упоминаний на гадальных костях или каких-либо мифологических сюжетов о них. Шанцы верили в существова-

ние грозных сил природы, которым приносили жертвы, чтобы задобрить их и избежать неприятностей. Все ритуалы и религиозные культы были напрочь лишены мифологической составляющей, наоборот, были чётко рационализированы и основывались на принципе «мы – вам, вы – нам».

У шанцев определённо была историческая амнезия: у них не было никаких свидетельств об историческом прошлом племени, упоминаний о делах и поступках почитаемых ими предков или о значимых событиях, не существовало и мифологии. Возможно, в низших слоях шанского общества в устной форме существовали сказания или мифы о героях или богах, но в дошедших до нас сакральных текстах этого нет. Возникает впечатление, что шанские правители осознано старались вычеркнуть из памяти историю своих

Первокитайцы: народ без памяти... 31

предков даже в форме мифа. Скорее всего, такое отношение к истории как-то связано с загадочным происхождением шанцев. Можно предположить, что первые шанские правители были потомками мигрантов, прибывших в этот регион на боевых колесницах с территорий Ближнего Востока⁵. Вскоре они ассимилировались в монголоидной среде и больше ничего не вспоминали о прошлом, кроме имён великих шанди.

---

⁵Меликсетов А.В. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002

Глава 2

Сказ о том, как китайцы придумали богов

Шанское протогосударство было достаточно сильным образованием и имело крепкое хорошо вооружённое войско. Однако приграничные племена не отставали от него в развитии и стремились перенять самое луч-

Сказ о том, как кит. придумали богов 33

шее, в том числе, боевые колесницы и бронзу для своих войск, что делало соседство с ними менее приятным. Заимствованные технологии позволяли племенным поселениям перейти на качественно иной уровень развития — на их месте возникали новые протогосударства. Подобные новообразования могли конкурировать с Шан, особенно успешно это удавалось тем, во главе которых стояли молодые амбициозные вожди.

Одним из них оказался Чан, сын Цзи Ли, правителя племени Чжоу, которое обитало на территориях, расположенных к западу от шанских земель. В дальнейшем именно он стал легендарным Вэнь-ваном⁶, слава кото-

---

⁶Вэнь-ван считается родоначальником династии Чжоу, он был мудрым и благочестивым правителем. В дальнейшем его имя стало употребляться для обозначения этих качеств и укоренилось в языке как са-

Сказ о том, как кит. придумали богов 34

рого не увядает уже несколько тысячелетий. Причиной этого является его мудрость и добродетель. Ему удалось направить русло развития племени по шанскому пути: чжоусцы активно перенимали культуру, письмо и производственные новшества своих соседей. Сам будущий Вэнь-ван являлся ярким примером для подражания среди своего окружения и народа, делая упор на культуре, образовании и гуманитарных науках. Всё это вместе с перенятыми шанскими технологиями позволило семимильными шагами догнать в развитии царствующий по соседству народ и вскоре составить ему существенную конкуренцию.

Помимо культурного и промышленного «плагиата» Чану удалось создать антишанскую коалицию. Однако поставить собствен-

---

мостоятельное слово, за которым тенью следует легендарная историческая личность.

Сказ о том, как кит. придумали богов 35

норучно точку в правлении династии Шан ему не пришлось, реализовать свои политические амбиции Вэнь-вану не позволила смерть. За него это сделал его сын — Фа, который получил имя У-ван⁷ за свои военные успехи, разбив в битве при Муе в 1027 г. до н.э. шанское войско под предводительством правителя Чжоу Синя⁸. В честь этого события У-ван совершил жертвоприношение шанским предкам-покровителям в столице побеждённого царства. Столь нехарактерный⁹ для чжоусца поступок, возможно, объясняется попыткой сообщить небесным покровителям Шан, что он не претендует на власть их

---

⁷Его имя переводится как «Победитель», «Воинствующий правитель».

⁸После поражения Чжоу Синь покончил с собой.

⁹Чжоу не существовало практики поклонения предкам.

Сказ о том, как кит. придумали богов 36

потомков на земле. В подтверждение своих слов У-ван поставил во главе новых территорий У Гэна, сына побеждённого правителя, но всё же приставил двух своих братьев — Гуань-шу и Цай-шу, чтобы те присматривали за ним. Сам же отправляется домой, щедро наградив всех участников похода.

Дома У-вана не оставляла в покое проблема законности его власти над Шан. Унаследовав от отца не только мощное государство, но и шанское мировоззрение, У-ван считал недостаточным для того, чтобы быть законным господином, военную победу над соседом. Также этого было недостаточно и самим шанцам, власть над которыми могли иметь только шанди на небе и их потомки на земле. Из за этого проблемой законности власти У-ван занимался достаточно активно, но безуспешно, так как вскоре после разгрома Шан

он умер. На смену пришёл его малолетний сын Чэн-ван, а точнее регент Чжоу-гун, брат покойного.

В смерти чжоуского вана шанцы увидели карающую волю Неба за незаконное завоевание. В тоже время братья, оставленные присматривать за новым шанским ваном, увидели в действиях регента при наследнике попытку присвоения власти. Объединившись, два брата и У Гэн подняли мятеж, продлившийся три года и потребовавший невероятных усилий от Чжоу-гуна при его подавлении. Очередное сокрушительное поражение заставило шанцев пересмотреть знаки Неба и, увидев их новое значение, перестать сомневаться в законности чжоуской власти. Всё же для предотвращения новых ненужных сомнений большинство шанцев была переселена на разные территории: часть рассеяна по

Сказ о том, как кит. придумали богов 38

уделам, а часть отправлена на стройку новой столицы Лои¹⁰. Хотя теперь победа была бесспорной и окончательной, оставалась потребность в её формальном закреплении, что соответствовало ожиданиям населения, унаследовавшего шанское мировоззрение.

С этой задачей Чжоу-гун справился, создав концепцию Небесного Мандата. Воспользовавшись беспорядочностью шанской истории, он создал миф¹¹, результатом которого оказалась изменение мировоззренческих принципов. Поскольку Небо у шанцев никогда не несло в себе сакрального значения, а играло роль жилища щанди, его постепенно начали выдвигать на передний план и наделять самостоятельностью. В итоге Небо по

---

¹⁰ Современный Лоян.

¹¹ Излагается в ранних главах «Шуцзин».

Сказ о том, как кит. придумали богов 39

своей силе было приравнено к Шанди¹², божеству, живущему на нём. Постепенно Небо вытеснило его, что было непросто, так как предки-покровители принадлежали шанцам и были всегда на их стороне, Небо же никому не принадлежало и могло претендовать на роль бесстрастного судьи, решающего, кто более достоин. Для того, чтобы объяснить, как Небо определяет достойнейшего, Чжоу-гун с помощниками, опираясь на уже существующий принцип «я – тебе, ты – мне»¹³, придумали и ввели этическое понятие Дэ¹⁴ (бла-

---

¹²Шан-ди, умершие предки-покровители, перестали восприниматься как множество, а трансформировались в представлениях в единое божество Шанди.

¹³«Я – тебе, ты – мне» — этика социального прагматизма, лежащая в основе шанской культуры и религиозных верований.

¹⁴Дэ — одно из основных понятий даосизма. В «Дао Дэ Цзин» трактуется как Благая сила Пути.

Сказ о том, как кит. придумали богов 40
годать, добродетель). Его особенностью была возможность накопления и утраты в зависимости от того, совершается ли человеком добродетельность или нет. Небо же вручало мандат на правление тому, кто больше всего накопил Дэ.

Результатом трудов Чжоу-гуна стала возможность объяснить, почему основатель династии Шан получил от неба право на власть и почему теперь это право есть у чжоусцев. Ведь Небо отбирало мандат у тех, кто потерял Дэ, а Чжоу Синь был очень нехорошим человеком¹⁵: распутным, безнравственным, даже прислушивался к женским советам. В это время Вэнь-ван старательно накапливал Дэ и полностью передал его своему сыну У-вану, который получил вместе с

---

¹⁵ В «Шуцзин» представлено опорочивающее описание Чжоу Синя.

Сказ о том, как кит. придумали богов 41

ним и небесный мандат на правление. Для того, чтобы окончательно укрепить идею о Небесном мандате, Чжоу-гуну было необходимо ввести ещё один виток передачи права на управление Поднебесной. На эту роль была призвана династия Ся¹⁶, предшествовавшая шанской. С ней произошло то же самое, что и с Шан: её правители утратили своё Дэ и Небо лишило их права на власть. В такой форме миф полностью позволил узаконить власть чжоусцев над новыми территориями и народами, возведя её из насильственного

---

¹⁶В период эпохи Чжоу укрепилось мнение, что государству Шан предшествовало такое же большое государство Ся, просуществовавшее так же долго, как и Шан. В настоящее время вопрос о подлинности существования Ся в синологии остаётся открытым, сторонники «за» и «против» приводят множество аргументов в поддержку своих теорий, но убедить оппонентов в своей правоте пока что никому не удалось.

Сказ о том, как кит. придумали богов 42

захвата в ранг небесного дара добродетельнейшему из живущих в Поднебесной. Так история и мифология Поднебесной была официально поставлена на службу властвующей элите, и ещё неоднократно предания, историзованные легенды и мифы искусно интерпретировались или создавались заново для внедрения новых идей, устанавливающих новый законный порядок в стране.

После завоеваний новых земель чжоуские правители пробовали создать централизованное государство. В чём-то им это удалось. Главными же помощниками в строительстве государственного аппарата оказались опытные шанские чиновники, рассеянные после мятежа по всей территории. Постепенно чжоуское государство крепло и обретало более выраженную централизованную структуру. Однако вместе с чиновниками на службу новой династии была принята и шанская система региональных владений, что в условиях растянутых территорий, непрочных связей центра и отдельных уделов, многоплеменного населения и недобросовестности отдельных региональных управителей, создавало существенное препятствие на пути к централизации Поднебесной, а так же предпосылку для возникновения междоусо-

Сказ о том, как кит. придумали богов 44
биц. Сами по себе уделы были неравными по территории и количеству населения: центральная часть страны была сильнее освоена и находилась под большим влиянием столицы, нежели периферийные регионы. Они постепенно росли: иногда за счёт захваченных земель приграничных племён, иногда в результате междоусобных распрей. Количество уделов медленно сокращалось, а вместе с ними и влияние вана на управляющих ими чиновников, которые стали в глазах подданных полновластными правителями. В итоге уделы стали автономны от центра, произошла децентрализация того немногого, что удалось собрать воедино, но формально сохранилась процедура наделения правом владения вотчиной, хотя в действительности власть в них уже передавалась по наследству. Многие княжества представляли собой вполне самостоя-

Сказ о том, как кит. придумали богов 45

тельное государственное образование, но право вана на верховную власть над ними не оспаривалось, хотя все князья действовали в угоду своим личным интересам.

В середине IX в до н.э. подобные действия князей привели к первым столкновениям с правящим тогда Ли-ваном. Хотя у них были вполне взаимные претензии друг к другу: ван обладал жёстким и своенравным характером, а также был жаден до чужого богатства, точнее, конфисковывал владения тех князей, кто давал для этого повод. В свою очередь среди владельцев вотчин нарастало недовольство его действиями, которое они старательно демонстрировали, вызывая ещё большее раздражение у Ли-вана. В результате этого противостояния верховный правитель был свергнут, а до совершеннолетия его сына Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.) правили страной

Сказ о том, как кит. придумали богов 46
князя-регенты¹⁷.

Сюань-ван был достойным сыном своего отца, человеком с не менее крутым нравом и большим, чем у Ли-вана, желанием разобратся со своенравными князьями. Его противостояние с ними началось с попытки проведения ряда реформ. Он решил отказаться от обработки больших полей, чем занимались ещё со времён щанской династии, а также попытался ввести всеобщий земельный налог, десятину. Чтобы реформы прошли успешно, ему пришлось провести перепись населения. Его наследником стал сын Ю-ван хотя царствовать ему пришлось недолго, своей смертью он поставил точку в существовании единого чжоуского государства,

---

¹⁷Этот период продлился 14 лет, с 842 по 828 год, и получил название гунхэ (совместное правление). Термин сохранился до настоящего времени.

Сказ о том, как кит. придумали богов 47

Западного Чжоу.

Официально спасаясь от набегов кочевников, терроризирующих западные территории, его сын Пин-ван перебрался в Лои (771–770 гг.до н.э.), вторую столицу государства. В действительности тогда ещё молодого наследника перевезли могущественные князья, чтобы покончить с отжившими себя убеждениями о верховенстве вана над всеми его подданными. С переездом в Лои Пин-ван стал вроде как «первым среди равных», а всё его отличие от остальных князей заключалось в небесном мандате и в том, что он сын Неба, хотя больше это не являлось существенным преимуществом. Со столь печальных для вана событий начался новый виток развития ещё пока что зарождающегося Китая. Историками он называется Восточное Чжоу и делится ими на две части: Чуньцю (722–481 ггдо н.э.), назван-

Сказ о том, как кит. придумали богов 48
ный так в честь знаменитейших луских¹⁸ летописей, созданных в этот период, и Чжаньго, период Воюющих царств (V вв – 221 г. до н.э.).

Начало первого периода было не менее воинственным, чем весь второй. Ослабление власти и влияния вана на князей вплоть до полного их исчезновения, поставило его в условия выживания, борьбы за право владением своим уже не большим уделом, хотя по-прежнему он считался сыном Неба, в то время, как могущественные бывшие удельные князья, а теперь полноправные власти-тели личных вотчин, старательно выясняли

---

¹⁸ «Чунью» или «Весны и осени» составлялось в уделе Лу и являлось его летописями. Удел Лу когда-то принадлежал Чжоу-гуну, поэтому в нём высоко чтись и получили дальнейшее развитие его идеи, выразившиеся в культуре и философии.

Сказ о том, как кит. придумали богов 49

отношения в междоусобицах. С переменным успехом их распри продолжались длительное время, пока царство Ци не усилилось и не приобрело ведущие позиции в Чжунго¹⁹. Одержав победу в войне против своего брата, Хуань-гун стал управлять циским царством при помощи мудрого и талантливое советника Гуань Чжуна. Благодаря его реформам Ци обрело огромное могущество и политический вес. Хуань-гун же завоевал несколько соседних княжеств, а остальные подчинил своему влиянию. В итоге от воли циского правителя стало зависеть всё в Поднебесной, а за

---

¹⁹ В этот период, когда удельные княжества превратились во вполне самостоятельные царства, возникает понятие Чжунго (Срединное государство) — им назывались все крупные царства, находившиеся в бассейне р. Хуанхэ. Китайцы по настоящее время называют так свою страну.

Сказ о том, как кит. придумали богов 50

новую стену вокруг столицы чжоуского вана и усмирение соседних варварских племён Хуань-гуну в 680 г. до н.э. был пожалован почётный титул Ба²⁰. Другими словами, он становился гегемоном Чжунго и в его обязанности теперь входило оказывать всяческую поддержку вану, защищать царства Поднебесной от враждебных варваров и не допускать окончательного распада хрупкой на тот момент целостности государства. Могущества и влияния Хуань-гуна с лихвой хватало на все эти деяния, в то время как ван был практически беспомощным. Чувствуя свою безграничную власть и силу, циский правитель начал подумывать о том, что пришла его очередь полу-

---

²⁰ В истории древнего Китая выделяются три формы правления: Ди-дао, правление легендарных мудрецов; Вандао, период законных правителей с Небесным мандатом; Ба-дао, незаконные могущественные гегемоны.

Сказ о том, как кит. придумали богов 51

читать Небесный мандат, но от столь рискованных действий его отговорил Гуань Чжун, который смог уловить постепенно нарастающий ропот о зазнайстве Хаунь-гуна. В любом случае его время уже подходило к концу: в 643-м г. до н.э. гегемон-ба скончался, положив, тем самым, начало борьбы за его место и конец величия царства Ци, которое в скором времени сильно ослабло, раздираемое внутренними конфликтами за власть. Но, свято место пусто не бывает, и уже 632 году титул Ба получил Вэнь-гун, правитель царства Цзинь.

Проскитавшись по Поднебесной большую часть своей жизнь, он в 636 г. до н.э. в возрасте 62 лет вступил на престол, свергнув при этом своего племянника. Вэнь-гун смог за несколько лет провести реформы, многократно усилившие его царство, что способствовало возрастанию его политического вли-

Сказ о том, как кит. придумали богов 52

яния во всём Чжунго. После разгрома царства Чу и раздела с ваном военных трофеев, ему был вручён титул гегемона-ба. Однако длилось это недолго: уже спустя четыре года он умер, оставив после себя могущественное царство. Его правители ещё долгое время выполняли обязанности гегемона-ба, хотя официально не имели этого титула. Они поддерживали порядок в Чжунго, обеспечивали вана и защищали страну от внешних набегов варварских племён, но временами эту эстафету принимали и другие царства, также набирающие силу.

Период Чуньцю в основном состоял из кровопролитных войн, заговоров, интриг и предательств. Брат шёл на брата, дядя на племянника, каждая из жён правителя царства старательно плела интриги на благо своего сына. Столь подлая и низкая действи-

тельность борьбы за власть шла рука об руку с высокими этическими канонами аристократии. Огромное внимание уделялось церемониалу и ритуалу²¹, существовала определённая культура поведения и речи — всё это формировало аристократа Поднебесной. Нельзя было иметь вотчину или удел и не соблюдать этих норм. Вежливо приветствовать своего противника, прежде чем проткнуть его копьём или снести мечом голову, скорее было правилом, чем случайностью, а в незначительных промежутках между войнами, когда князья наносили дружеские визиты своим возможным в будущем недругам или заключали межродовые браки, аристократическая этика не теряла своей актуальности.

Элита, возникшая в Чуньцю, находилась

---

²¹ Ли — ритуальная этика. Один из главных аспектов конфуцианства.

Сказ о том, как кит. придумали богов 54

в особых отношениях с простым народом: она ни в коем случае не пыталась поставить его в условия рабской зависимости от воли своего хозяина или намерено лишить каких-то привычных для него условий, а наоборот всячески старалась поддержать. В ответ она рассчитывала на аналогичную поддержку в какой-нибудь очередной войне или при попытке внутреннего переворота. Тем не менее, находящиеся в зачаточном состоянии религиозные верования крестьян не выдержали натеска развитого культа Неба элиты и не смогли оформиться в полноценную древнюю религию. Этого не произошло и с верованиями верхов. Строясь абсолютно на рационалистической основе, шанский культ предков стараниями чжоусцев плавно перетёк в культ Неба, сохранив в себе базисный принцип «я – тебе, ты – мне». В таких условиях не сфор-

Сказ о том, как кит. придумали богов 55

мировалось (да и не было такой цели) характерных для древних религий черт: идеи воздаяния в загробном мире, культа героев полубогов, практики молитвы во спасение и во оставление грехов, привычной для западного мира. Не возникло и основополагающего мифа. Он был составлен и записан придворными историографами чжоуских ванов. Это были специальные чиновники-летописцы, которые собирали и обрабатывали различные поверья и легенды для того, чтобы создать миф-летопись²², поддерживающий и развивающий теорию Небесного мандата. Они старательно доказывали важность его сохранения за ваном. Итогом их работы оказалось возникновение трёх великих императоров²³, ко-

---

²² «Шуцзин», второй слой которого был составлен в VII–VI вв. до н.э.

²³ Император Яо, взявший в преемники мудрого

Сказ о том, как кит. придумали богов 56

торые правила Поднебесной ещё до возникновения династии Ся²⁴. Период их правления принято считать «золотым веком» и образцом к которому должен стремиться каждый правитель, стараясь установить Высшую Гармонию и Абсолютный порядок в Поднебесной.

Во второй половине Чуньцю усиливались тенденции к почитанию силы и величия в царствах, которые воспринимались как залог их успеха и благополучия. На этом фоне чжоуские ваны, потерявшие власть и влияние в Чжунго, всеми возможными способами держались за Небесный мандат как последний оплот их ушедшего в прошлое могуще-

---

Шунь, которого сменил Юй, усмиривший разбушевавшуюся природу.

²⁴В мифологии Китая династия Ся предшествовала династии Шан.

Сказ о том, как кит. придумали богов 57

ства. Из-за этого им было необходимо связать существование золотого века и мудрости великих с имевшимся когда-то укладом, при котором ваны были не просто сынами Неба, а ещё и законными правителями Поднебесной, стремящимися поддерживать Абсолютный порядок и Гармонию. Для этого в «Шуцзин» была заложена основа, сформировавшая чжоу-лускую²⁵ систему ценностей, которая проповедовала уважение старинных традиций, культа древности и наследственной аристократии с присущими ей этическими нормами, восхваление мудрости великих предков, убеждённость в законности только

---

²⁵Удел Чжоу принадлежал ванам, а удел Лу был личной вотчиной Чжоу-гуана, в них одинаково были заинтересованы сохранить и развить консервативные идеи, сохраняющие традиционный строй с Сыном Неба во главе.

Сказ о том, как кит. придумали богов 58
власти вана, воспевание «отеческой»²⁶ формы государственного строя. Ничего удивительного, что в луском уделе, будучи воспитанным на канонических текстах «Шуцзина», появляется такой философ как Конфуций²⁷, учение которого полностью впитало в себя чжоу-луские идеалы, усовершенствовав и обессмертив их, позже возведя в ранг официальной идеологии.

Основным оппонентом идей, представленных в «Шуцзине», оказались идеалы царств Ци и Цзин, а позднее и Цинь. Имея во главе могущественных гегемонов-ба и ориентируясь на реформирование всего устаревшего, в этих царствах процветали идеи силы, жёсткого порядка и обязательного для всех подчи-

---

²⁶Патернализм. Государство — семья, правитель — родной отец.

²⁷Кун-цзы жил в 551–479 гг. до н.э.

нения власти, закону, в приемлемой для того времени форме: что велит начальник, то и есть закон. Именно эти идеалы стали отправной точкой для возникновения в IV в. до н.э. в период Чжаньго кардинально отличающейся от конфуцианства школы «законников»²⁸. В основном во главе этих школ стояли министры, имеющие достаточно средств и возможностей, чтобы реализовать свои идеи. Они не были особо гуманными и приоритетным считали скорее интересы государства, нежели народа. Одним из таких министров был всесильный Шан Ян²⁹ из циньского царства. Будучи абсолютным циником, он зало-

---

²⁸ Легизм. Под «законом» понималось скорее строгий регламент, указание начальства.

²⁹ Считается автором «Шан-цзюнь шу» — «Книги правителя области Шан», в которой изложена его легистское учение.

Сказ о том, как кит. придумали богов 60

жил в основу общества единый для всех закон, а вместе с ним и единое для всех наказание за его нарушение. К народу он относился как к «быдлу» и считал, что раз человек по природе своей глуп и порочен, то из этого можно извлечь пользу: глупыми легче управлять, а пороки являются хорошим объяснением необходимости беспрекословного подчинения приказу. Силу государства он видел в ослабленном народе, поведение которого полностью унифицировано и управляется мелочными и строгими регламентами. Ослабить государство могли говоруны-учёные, торговцы и частники, вся деятельность которых расценивались как вредительская и должна была строго контролироваться, для чего существовала развитая система доносов и круговой поруки. Тем не менее, Шан Ян держал в строгости и аппарат власти: верховенство

Сказ о том, как кит. придумали богов 61

закона распространилась и на него, а также механизм доносов и суровых наказаний за самые не значительные проступки, за которые был наказан даже наследник престола — он поплатился носом своего воспитателя³⁰. Среди чиновников он не допускал и не любил как шибко умных, так и глупцов, идеальным для него считался законобоязливый служака-среднячок. Однако министр поощрял продажу богатым высоких постов и должностей за крупную сумму — так он пополнял казну и подчинял их своей власти, т.е. власти закона.

В период Чжаньго в Поднебесной произошёл расцвет философской мысли, подобного всплеска активности мудрецов больше не было в её истории. Это можно объяснить тем, что в VI–IV вв. до н.э. царства Чжунго столк-

---

³⁰ Это очень оскорбило наследника. После смерти его отца, Сяо-гуна, он четвертовал Шан Яна.

нулись с целым рядом новых, ещё не известных событий. Было освоено железо, что позволило расширить площадь обрабатываемых земель, а это привело к росту численности населения. Стали образовываться рынки и товарно-денежные отношения, что спровоцировало рост благосостояния и влияния частных собственников и торговцев, а это не могло не беспокоить правителей, власть которых мельчала из-за усиления родственных кланов. Для удержания своих позиций им пришлось искать пути преодоления сложившейся ситуации: либо усиление традиций и путь консерватизма, либо сила закона и реформы. Несмотря на то, что именно благодаря второму пути в Чжаньго смогли сформироваться семь могущественных царств³¹, которые ве-

---

³¹ Царства Цинь, Чу, Ци, Чжао, Вэй и Хань.

Сказ о том, как кит. придумали богов 63

ли между собой на протяжении нескольких столетий жестокие кровопролитные войны³², идеи конфуцианства как формы консерватизма стали постепенно заполнять Поднебесную. Но уже к 343 г. до н.э., благодаря реформам Шан Яна, которые многократно усилили мощь и престиж царство Цинь, его правителям был дарован титул гегемона-ба. Это был одним из первых шагов к созданию Китайской империи.

---

³² В период Чжаньго перестала существовать аристократическая этика в бою и после. Побеждённых безжалостно уничтожали сотнями, а иногда и сотнями тысяч. Именно в это время были созданы военные трактаты «Суныцзы» и «У-цзы», которые изучаются в военных академиях до сих пор как образцы тактики и манёвров.

Глава 3

История о том, как евнух приказал царю покончить с собой, а крестьянин стал императором

В IV в. до н.э. циньское царство в Поднебесной считалось варварским и не воспринималось всерьёз, что неудивительно, ведь в

История о том, как евнух приказал... 65
нём всё ещё практиковались давно уже отжившие себя обычаи. Среди них было, например, захоронение³³ живых подданных вместе с умершим правителем. Однако уже к середине столетия, в 343 г. до н.э., Цинь усилилось и окрепло настолько, что чжоуский ван вручил его правителю титул гегемона-ба. Такой успех был обеспечен главенствующими в царстве идеями легистов, которые находились у руля власти. У руля они стояли долго и держались за него крепко. В итоге их царство обрело такое могущество, что без особых проблем, но с особой жестокостью³⁴ разгромило

---

³³ Обычай был официально отменён только в 384 г. до н.э., в то время как во всех царствах Чжунго от него уже давно отказались.

³⁴ Есть сведения, что в 260 г. до н.э. в битве под Чампином царством Цинь были казнены 400 тыс. пленных войнов.

История о том, как евнух приказал... 66
всех своих соседей и даже коалицию, наспех
сколоченную для сдерживания его натиска.
Печальная участь не обошла и удел Чжоу,
где проживал ван, сын Неба. Его «дом» рух-
нул, а символ Небесного Мандата, девять тре-
ножников, перешли к циньскому правителю,
который в 253 г. до н.э. принёс официальную
жертву³⁵ в честь Шанди уже в столице своего
царства. Однако расцвет царства и превраще-
ние в империю произошли при последнем его
правителе, Ин Чжэне (259–210 гг. до н.э.).

Ему было 13 лет, когда бразды правления
обновлённой Поднебесной перешли к нему в
246 г. до н.э. Юный повелитель не стал дожи-
даться окончания своего детства, а уверенно
принялся за управление страной: сначала при

---

³⁵ До этого момента приносить жертву великим
предкам было исключительным правом чжоуских ва-
нов, сыновей Неба.

История о том, как евнух приказал... 67
помощи главного министра Люй Бувэя, а затем при поддержке решительного и жестокого легиста Ли Сы. Вдвоём они продолжили активную завоевательную политику и за одно десятилетие к 221 г. до н.э. уничтожили или подчинили своей воле все царства³⁶ Чжунго. В итоге под властью Ин Чжэна оказались все земли и народы Поднебесной. Недолго думая, он основал новую династию Цинь и повелел всем звать себя Ши-хуанди³⁷. При новом имени и новой династии он начал реформировать свою новую империю под чутким контролем Ли Сы, став при этом всеми ненавидимым разрушителем. Под его реформаторским натиском пало всё, что было связано с прошлым устройством страны. Первой пала

---

³⁶ В 230 г. до н.э. пало царство Хань, в 225 г. — Вэй, 223 г. — Чу, 222 г. — Чжао и Янь, 221 г. — Ци.

³⁷ Ши-хуанди — Первый священный император.

История о том, как евнух приказал. . . 68

клановая аристократия. Видя в ней угрозу и нестабильность будущего империи, Ши-хуан оторвал от насивленных веками потомственных гнёзд почти 120 тысяч аристократических семей и переселил их на новые места, лишив всякой связи с прошлым величием. У бывших военных, служивших в армиях павших царств, приказал отобрать всё оружие и переплавить его в колокола. Вместе с оружием исчезла опасность вооружённого мятежа. Поняв, что больше с ним конкурировать никто не сможет, он уничтожил имеющуюся правовую систему, а на её место ввёл новые жёсткие законы с той простой идеей, которую обожали легисты: беспрекословное подчинение закону, т.е. начальству, и суровая кара за малейший проступок. Чтобы проще было собирать налоги и все платили одинаково, была создана новая общая для всех мера

весов, длины и площади, а также новая денежная единица, просуществовавшая до XX века. Не менее радикально была реформирована и письменность. Созданное новое упрощённое письмо «лишу» заменило множество видов письма, унаследованных от существовавших ранее царств³⁸.

Старания Ши-хуана по строительству новых дорог по всей стране, соединяющих столицу с далёкими окраинами империи, или новых дворцов не встречали поддержки среди простого населения, беспощадно сгоняемого на гигантские стройки. Каждая новая созидательная идея императора оборачивалась ссылкой для людей, из которой живыми возвращались единицы. Строительство же Ве-

---

³⁸ Каждое царство периода Чжаньго имело своё письмо, что подчёркивало их самобытность и независимость.

История о том, как евнух приказал... 70

ликой стены обессмертило его имя в народе как самого большого мучителя людей и злодея — строили её миллионы преступников и крестьян. Хотя сам Ши-хуан был другого мнения о себе и своих деяниях и старательно об этом напоминал народу, устанавливая по всей стране стелы с текстами о своих заслугах. Император имел право быть о своих деяниях высокого мнения, новая молодая империя быстро обретала Порядок и стабильность. Однако она никак не продвинулась на пути к внутренней Гармонии, за которую переживали конфуцианцы и старательно критиковали Ши-хуана за непочтение традиций, жестокость и неследование нравственности и добродетели — другими словами, за то, что он не был одним из них. Критика ему, как и всем, была неприятна, а реакция на неё оказалась неприятной очень многим будущим по-

История о том, как евнух приказал... 71
колениям конфуцианцев. В 213 г. до н.э. были сожжены по его приказу почти все древние книги, а год спустя — казнены 460 активных «критиков».

Для ведения войн с приграничными племенами, либо для строительства очередного дворца или дороги были необходимы средства и люди. Чем больше было новых строительных инициатив, тем сильнее возникала необходимость в повышении налогов и сборов с населения. Постепенно в народной среде росло недовольство и возмущение, а лишение конфуцианства хоть какой-то возможности развиваться отняло утешение и духовный комфорт. В итоге в Поднебесной установился порядок без гармонии и спокойствие императора без любви и доверия к нему народа. Поскольку выступать против него никто не решился, да и некому было, то Ши-хуанди тихо

История о том, как евнух приказал... 72
скончался в 210 г. до н.э. после 48 лет правления Поднебесной, находясь в полной уверенности, что заложенный им строй и основанная династия будут вечны и не прервутся никогда. Столь утопичные мечты первого императора нашли отражение даже в именах его детей, последующих правителей династии. Его сын, унаследовав престол³⁹, получил имя Эр Ши-хуанди — Второй священный император.

«Второй» оказался императором слабого характера и не унаследовал от отца власти и хватки. При дворе начались интриги, возросла политическая нестабильность. В 209 г. до н.э. начали, как снежный ком, вспыхивать восстания в разных уголках страны.

---

³⁹Сам Ши-хуанди завещал передать престол его старшему сыну, который выступал с критикой в его адрес, но Ли Сы поступил иначе.

Для их подавления Эр Ши-хуан мобилизовал армию, но безуспешно. Ему пришлось сократить расходы на стройки и даже казнить нескольких высокопоставленных чиновников, среди которых оказался Ли Сы, советник отца, но и это не успокоило мятежников. На место казнённого министра-легиста был поставлен евнух Чжао Гао, который воспользовался случаем и попытался захватить власть. Он приказал императору Эр Ши-хуанди покончить с собой, хотя это не только не укрепило позиций евнуха у власти, но в скором времени привело к его убийству. Так пала, недолго просуществовав, династия Цинь, а вместе с ней и надежды Ши-хуанди на вечное правление его потомков в Поднебесной.

Несмотря на драматические события для целой императорской династии, история про-

должала вершиться, и в этот раз её вершили два главаря мятежников — Сян Юй и крестьянин Лю Бан. Между ними завязалась длительная борьба за власть, в результате которой в 202 г. до н.э. одержал верх крестьянский сын Лю Бан, который стал новым императором и основателем новой династии Хань. Первые годы существования новой династии прошли в постоянных войнах, многие главари повстанцев всё ещё боролись за власть, что приводило к разорению различных регионов страны и усугублению кризисной ситуации. Однако к 199 г. до н.э. новый император уже интересовался другими вопросами: переносом столицы в Чанань, строительством там очередного дворцового комплекса. Главным же оставался вопрос: как наградить союзников, которые поддержали его в процессе захвата и удержания власти? Ответ подсказала ис-

История о том, как евнух приказал... 75
тория. Издавна было принято в Поднебесной одаривать выдающихся и не очень сторонников власти личными уделами, то, от чего так старались отойти легисты, видя в этом угрозу целостности государства. Хотя новые уделы с их правителями хоу составляли незначительную часть от всех земель империи, чувствовали они себя достаточно комфортно, чтобы поднимать новые бунты против Лю Баня.

Проблема централизации власти им осталась нерешённой, да и откуда было знать, как её решить воинственному крестьянину, хотя в его окружение входило большое число мудрых советников-конфуцианцев. Также с этим не справились и последующие его преемники: сын Хуэй-ди и уже вдовствующая жена Лю Баня императрица Люй, которая старательно окружала себя своей роднёй, раздаривая ей новые уделы, и не обращала никакого внима-

ния на проблемы Поднебесной. В 179 г. до н.э. на престол зашёл Вэнь-ди. Прославился он как великий добродетель, который относился с большим уважением и вниманием к народу. Он отменил земельный налог, чем облегчил жизнь крестьян, хотя повысил пошлины с городского населения, торговцев и ремесленников. Вэнь-ди старательно чтит традиции и следил за своевременным приношением жертв предкам. Когда в 159 г. до н.э. случился не урожай и страна была на «пороге» голода, он сократил расходы дворца на пышный церемониал и открыл императорские амбары, чтобы подкармливать бедных и голодных. К концу жизни Вэнь-ди настоятельно рекомендовал своей семье отказаться от роскоши и богатых одеяний, предлагал быть простыми во всём. Вэнь-ди был образцовым правителем по всем конфуцианским канонам, что говорит

о явном усилении конфуцианства и расширении его влияния на умы населения Поднебесной.

Другой, не менее благочестивый и знаменитый правитель Поднебесной, У-ди продолжил успехи своего предка. При нём процветало земледелие, на которое существовали очень низкие налоги. Быстрыми темпами росла численность населения⁴⁰, осваивались новые земли. Большое внимание уделялось содержанию в порядке дорог, вдоль которых возводились новые города. У-ди многое перенял из легизма: государственную монополию, административную систему, отношение к частной собственности — всё это было интегрировано в повседневную жизнь с чёткими поправками в сторону конфуцианства так,

---

⁴⁰ В I в. до н.э. население составляло 60 млн. человек.

что это не вызывало каких-либо противлений. Не менее успешным император был и во внешней политике. Он активно защищал границы от набегов кочевых племён, даже предпринял попытку создать коалицию против этих народов, которая обернулась крахом, хотя позволила создать «Шёлковый путь» и развить торговлю с далёкими империями запада. Однако это не было его целью: скорее он стремился расширить территории Поднебесной и укрепить её границы. Его успех в управлении страной во многом зависел от окружения, которое состояло, в первую очередь, из выдающихся учёных-конфуцианцев, отвечавших на вопросы о проводимой им политике и помогавших найти способы применения мудрости древних к повседневному опыту. За 50 летний срок правления У-ди ханьская империя достигла огромных успехов и процвета-

ния, но после его смерти впала в полосу тяжёлого кризиса.

Со смертью У-ди власть центра стала ослабевать и порядок в уделах и деревнях уже не поддерживался так тщательно, как во времена его правления. Стали возникать сильные дома⁴¹, в чьих руках концентрировалась земля и власть на местах. Их давление на крестьян усугубляло кризисную обстановку в стране. Со всё нараставшей силой и аппетита домов усиливались, создавая реальную угрозу центральной власти. Против их активности выступил с реформами Вам Ман, пришедший к власти в 8 г. н.э. Однако его действия не встретили радушного приёма в народе, так как задели интересы не только алчных

---

⁴¹ Семьи зажиточных крестьян, которым удалось за-
получить земли своих деревенских соседей и сконцен-
трировать в своих руках большой капитал.

История о том, как евнух приказал... 80
верхов, но и оскудевших низов. Всё же судьбу реформаторства Вам Мана решила река Хуанхэ, которая в 11 г. сменила своё русло, что привело к гибели сотен тысяч человек, уничтожению городов и полей. В этом народ рассмотрел недовольство Неба действиями нового императора, которому пришлось пойти на уступки и отменить большую часть реформ. Расценив это как слабость и беспомощность власти, ликующие противники реформ стали разжигать восстания, в результате одного из которых в 23 г. Ван Ман был убит.

Эпоха его правления сменилась периодом привычных для Поднебесной междоусобиц, победителем в которых оказался следующий представитель династии Хань-Лю Сю. Ему посчастливилось основать вторую ханьскую династию императоров и назваться новым именем Гуан У-ди (25–27 гг.). Своё правле-

ние он начал с проведения ряда реформ, направленных на стабилизацию ситуации в его империи и выход из кризиса. Тот же курс продолжили и его преемники. Страна быстро встала с колен и расцвела в полную силу. В этот период империя блистала великими изобретениями: сейсмограф, бумага, технология строительства многоэтажных зданий. В стране наступило время спокойствия и довольства, хотя продлилось оно недолго: уже на рубеже I–II вв. в Поднебесной разгорелся новый кризис. Не уничтоженные, но ослабленные предыдущими реформами сильные дома, вновь стали возвращать своё могущество, а ослабление власти императора и усиление её в руках придворных евнухов и временных правителей создало прекрасную возможность для роста кризиса и дестабилизации страны. Дворец тонул в интригах и за-

говорах, в непрерывной борьбе за право сделать своего ставленника новым императором. Пока борьба за власть всё сильнее разгоралась при императорском дворе, за его пределами свирепствовали сильные дома, под чью власть попадало всё больше и больше крестьян. Страна нищала и слабла, народ терпел и жаждал расправы. В итоге возникла новая сила, стремившаяся расправиться с бесполезной властью и вернуть былое величие. Восстание вспыхнуло в начале 184 г. и заставило враждующую власть объединиться для своей защиты, что ей удалось без особого труда. Рассеянные по стране повстанцы ещё какое-то время оказывали сопротивление властям, но это уже не мешало отдельным силам вступить в открытую и активную борьбу за трон. В результате была разрушена столица Лои, а на передний план вышел Цао Цао, став опо-

История о том, как евнух приказал. . . 83

рой для практически беспомощного императора. Он довольно долго управлял империей, находившейся в разорённом состоянии, и плавно подготавливал крах ханьской династии, который для многих был уже очевиден. После смерти Цао Цао в 220 г. его сын Цао Пэй по наущению отца захватил императорский трон и основал новую династию Вэй. Его примеру последовали ещё двое, основав свои династии в разных частях Поднебесной.

В период правления династий Цинь и Хань произошло становление Китайской империи, которой предшествовал период соседствующих друг с другом царств, не связанных как-либо между собой кроме не прекращающихся войн. Китай как государство возникло с момента объединения всех разношёрстных царств, существовавших на территории Поднебесной, и устранения всех раз-

личий между ними могущественным первым императором Ши-хуанди. Он положил начало существования нового на тот момент государственного образования, но с древними традициями, среди которых пальму первенства захватило конфуцианство. Это учение развивалось много столетий до тех пор, пока не стало главной идеологией Китая при династии Хань, в роли которой просуществовала два тысячелетия. Оно оставило след в сознании населения Поднебесной, который не смогли стереть ни века, ни кочевники-поработители, ни уничтожавшие культуру сами китайцы в период «культурной революции».

Глава 4

Набеги да наскоки

Старания двух династий Цинь и Хань по объединению и созданию единого государства были развеяны по ветру. К началу XII в. из некогда процветающей империи в результате постоянных набегов кочевых племён и не прекращающейся политической борьбы получилось несколько независимых друг от друга го-

сударств⁴². Привыкшая к постоянному делению власти, правящая элита не изменила своим привычкам, а продолжила истощать свои владения непрерывными внутренними раздорами. Из-за этого уже к XIII в. им было нечего противопоставить нависшей угрозе в виде обветренного лица монгольских завоевателей.

Как водится, в истории любого воинственного народа всегда находится амбициозный, властный правитель, который решает, что именно он выбран Небом для покорения мира. В монгольской среде такой тоже нашёлся: уже в 1206 г. им стал всемонгольский повелитель Чингис-хан, а в 1209 г. он напал на государство Западного Ся. Ослабленное го-

---

⁴² Чжурчжэньская империя Цзинь, тангутское государство Ся, южносунская империя и государственное образование Наньчжао.

сударство ради спасения признало себя вассалом Хана и помогло ему в войне против чжурчжэньского государства Цзинь. В 1215 г. пала его столица Пекин, но само царство ещё продержалось, активно сопротивляясь, вплоть до 1234 г. Захватил его уже сын всемонгольского повелителя — Угэдэй. Сам же Чингис-хан разгромил своих вассалов Западное Ся в 1227 г., учинив великую резню в их землях. Вырезав, почти всё население Ся, он отправился домой, но по пути скончался. Его воинственную волю исполнил сын Хубилай, разгромивший и покоривший к 1276 г. все сопротивляющиеся ему силы. В итоге к концу XIII в. вся территория Китая оказалась под властью новой империи монголов, которые так же подчинили себе высокогорный Тибет и территории стран западнее китайских границ.

После завоевания Поднебесной монголами страна находилась в полном упадке, кризис в экономике усугублялся резким сокращением населения страны. Однако основанную Хубилаем династию Юань⁴³ это мало беспокоило. Изначально её правящая элита стремилась превратить непонятную для неё страну в гигантское пастбище для своих табунов. Советникам новых императоров удалось объяснить им, что восстановление Китая будет выгоднее, чем безграничные пастбища на его территории. Чувствуя необходимость в освоении китайских политических традиций для управления новыми землями, юаньским правителем пришлось преодолеть свой страх перед окружающими народами, духовный мир и культура которых была категори-

---

⁴³ Первоначальное творение мира.

чески чужда им. Поскольку монголы боялись раствориться в китайской массе, то вся их политика направлялась на принижение прав коренного населения и возвеличивания себя. Для этого они разделили всё население по этническому и религиозному принципу, отразив это в новом законодательстве. Так к первой категории граждан относились только монголы, у которых было право руководить всей администрацией страны и войсками, а также распоряжаться жизнью и смертью населения. Во вторую группу входили граждане иностранных государств. Они были по статусу ниже, чем монголы, но так же пользовались покровительством властей и даже обладали своими судами. К третьей группе относились северные китайцы и другие народы, исконно проживающие вблизи или на территории Китая. Жители южных территорий стра-

ны составляли самый низший четвёртый разряд граждан. Всё коренное население было ограничено в правах, им запрещалось учить иностранные языки, обучаться военному делу, организовывать собрания, для них был введён комендантский час. Впрочем, вскоре потребность в квалифицированных чиновниках вынудила монгольскую власть пойти на уступки традиционному населению. У китайцев появилась возможность занимать административные должности, большое внимание уделялось историографии, через которую стремились искоренить неприязнь к новой власти. Постепенно была возвращена экзаменационная практика для чиновников, хотя монголы продолжали находиться на льготных условиях. Китайские традиции и культура начали активно проникать в монгольскую среду, в итоге в 1312 году появился мон-

гольский император-конфуцианец, а в школах монголы изучали китайские трактаты, хотя и переведённые на монгольский язык. Относительно китайских традиций чувствовалась существенная оттепель, но в экономических правах сдвижек практически не было.

Проводимая монголами в этом направлении политика усугубила положение всех слоёв населения, ухудшила взаимоотношения между приближённой китайской элитой и монгольской верхушкой — начались мятежи. Обстановка в стране накалялась, а правящая династия к середине XIV в. пришла в упадок. Для того, чтобы обезопасить династию, при дворе был разработан план по уничтожению всех обладателей пяти самых распространённых фамилий в Китае, но власти ограничились запретом на хранение оружия народом. В 1351 г. восстания охватили всю страну, в

них участвовали люди всех слоёв — даже бедные монголы приняли участие в свержении неугодного строя. Идейным вдохновителем была тайная организация «Общество Белого лотоса»⁴⁴. Его представители решили восстановить власть последней китайской династии Сун. Для этих целей даже был найден их потомок — Хань Шаньтун, и объявлен новым императором. Во многих регионах страны народ поддержал новоявленного императора и его повстанческо-освободительное движение. С каждой новой победой, одерживаемой ими, монгольское правительство всё сильнее теряло позиции вплоть до 1363 г., когда мятежные войска были разгромлены. Тем не менее, покончить с антимонгольским движением так

---

⁴⁴Проповедовало идею пришествия «Будды Будущего» — Майтрейи, а вместе с ним и новой счастливой эры.

и не удалось. Постепенно потерпевшие поражения, они сплотились вокруг нового предводителя Чжу Юаньчжана, придав тем самым новый толчок к развитию освободительного движения. В 1368 г. его войска заняли Пекин, вынудив бежать последнего монгольского императора. Сам полководец обосновался в Нанькине, присвоив себе титул императора и положив начало новой правящей династии Мин.

Новая династия продержалась до весны 1644 г. С ней приключилась та же беда, что и со всеми ей предшествовавшими. Взлетевшие налоги, обнаглевшие чиновники и нестабильность правящего дома провоцировали очередной кризис, который изматывал, в первую очередь, крестьян и простое городское население. Все эти силы не заставили себя долго ждать и поднялись против династии Мин.

Восстание продлилось 16 лет, за которые выделилось два чётких повстанческих центра: в Сычуане и ближе к центральной части страны. По сложившейся у повстанцев традиции ими был выбран новый император, которым оказался Ли Цзычэн. От него потребовалось быстрое решение первостепенных задач, прежде всего, как наполнить практически разорённую за годы войны казну. Ему ничего другого не оставалось, кроме как сделать тоже, что и любой другой правитель — повысить налоги. Столь непопулярное решение проблемы поставило под вопрос успешное начало новой династии с Ли Цзычэном во главе, и скорее всего всё закончилось бы очередным бунтом, но этому помешало новое государство Цин, заселённое маньчжурами. В планы цинских правителей входило расширить свои территории за счёт соседнего Ки-

тая. В этом им помог в 1644 г. один из минских генералов У Саньгуй, открывший ворота в Великой стене. Маньчжурское войско без проблем вошло на территорию страны, а китайский Иуда присоединился к ним вместе со всей своей армией. Чтобы не выделяться У Саньгуй приказал своим людям остричь голову в маньчжурском стиле⁴⁵, после чего стал воевать с Ли Цзычэном в рядах армии захватчика. Новоявленный из повстанческих рядов император практически сразу потерпел поражение, после чего его войско рассыпалось на множество небольших отрядов. Маньчжуры заняли Пекин и обосновались там вплоть до 1911 г., основав последнюю династию китай-

---

⁴⁵ Маньчжуры сбривали переднюю часть головы, а оставшиеся сзади волосы заплетали в косу. Эта причёска стала символом покорности маньчжурской власти в Китае.

ских императоров Цин. Новое циньское правительство было вынуждено ещё долго подавлять различные очаги антиманьчжурского сопротивления. В результате их карательных походов в руинах оставались целые города, население которых вырезалось практически полностью⁴⁶. Подобные репрессивные действия не добавляли популярности новой власти и подогревали патриотические настроения. Возникали всё новые и новые партизанские отряды, на подавление которых отправлялся У Саньган. Ему удалось выдавить с территории материкового Китая одного из опаснейших главарей партизанского движения, Чжэн Чэнгуна, наносившего серьёзные уколы правительственным войскам, в первую очередь, в устье реки Янцзы. Партизанский

---

⁴⁶ При взятии города Янчжоу в 1645 г. погибло 800 тыс. человек населения.

отряд переправился на остров Тайвань, где, изгнав голландцев, Чжэн Чэнгун в 1662 г. основал новое государство, которое продолжало вести активную борьбу против завоевателей. Ему не удалось долго просуществовать: уже в 1683 г. маньчжурские войска захватили Тайвань, положив конец всем освободительным движениям и подчинив весь Китай своей власти.

Страна находилась в тяжёлом экономическом положении, многие города были разрушены, сожжены крестьянские пашни, население сократилось на несколько десятков миллионов человек — таким маньчжуры получили Китай в своё распоряжение. Их правителям пришлось лавировать между своими интересами и интересами показавшего своё упрямство и силу народа. В итоге компромисс был найден, хотя проводимая прави-

тельством политика всё же сопровождалась национальным гнѐтом. Постепенно реформы дали положительный результат, который, в первую, очередь отразился на росте населения: к концу XVIII в. его численность составила 300 млн. человек. Восстановление торговых связей между городами спровоцировало подъѐм ремесленного производства. Активно развивалась торговля в приморских районах.

Не менее активно велась внешняя политика страны. Были совершены попытки расширения территорий за счёт соседней Бирмы, но они потерпели крах так же, как и в отношении Вьетнама. Зато удача улыбнулась в захвате Тибета в 1720 г. Он был подчинѐн власти циньского двора, который устанавливал всю внутреннюю и внешнюю политику Лхасы. Постепенно складывались дипломатические отношения с Россией и капиталистиче-

скими странами запада, но не так хорошо, как бы этого хотели. Маньчжурское правительство старательно держало закрытой свои границы для активного торгового проникновения капиталистических держав, боясь за свою власть и влияние внутри страны, которое могло пошатнуться под дуновением ветра иностранных идей. Подобную же протекционистскую политику проводили цинские правители и по отношению к развитию культуры внутри Китая. Хотя защищали они себя от идей, позволяющих усомниться в законности их власти. Для этого все литературные произведения подвергались жёсткой цензуре и при намёке на негативное отношение к маньчжурским правителям или попытке воспеть освободительные движения прошлого произведения уничтожались, а судьба их автора была незавидной. Однако при мань-

чжурах культура продолжала развиваться: вновь было переосмыслено конфуцианство и опять принято на вооружение придворными мудрецами. Большое внимание было уделено произведениям прошлых династий, которые собирались воедино и издавались в сборниках сочинений.

Стабильность китайского государства опять не продолжилась вечно — уже к началу XIX в. ярко начали проступать признаки очередного кризиса. Жадность и коррупция в рядах чиновничества обрели невиданные ещё масштабы. Так конфискованное у Хэ Шаня⁴⁷ имущество по стоимости равнялось государственным доходам за 8 лет. Резкое увеличение населения страны привело к

---

⁴⁷ Фаворит маньчжурского императора Цяньлуна, был обвинён в казнокрадстве и казнён следующим после него императором.

нехватке пахотных земель и сильному росту цены на них. Население нищало, быстро увеличивался экономический разрыв между различными слоями населения. Активность тайных религиозных организаций и обществ, направленных на борьбу с властью, спровоцировала всплеск очередных мятежей на рубеже XVIII–XIX вв. Требования повстанцев спустя века никак не изменились. Им всё так же хотелось сменить династию из-за утраты мандата на власть, но в этот раз изменился исход восстания. В 1814 г. отряды мятежников были разгромлены, а маньчжурские императоры получили возможность ещё поправить почти столетие, всё так же проводя свою политику, окрашенную национальным гнѐтом, но одобренную конфуцианскими традициями.

***

Вся история Китая состоит из внутренних войн, иностранных вторжений и повстанческо-освободительных движений. Новые правители всегда старались использовать культурную специфику народа для своих целей, извне приносились сторонние идеи, трансформировавшиеся сами или трансформировавшие китайскую культуру. О том, как при этом формировалось мировоззрение китайцев, читатель может прочесть в следующих частях.

Часть II

Этический авторитаризм или как формируется внутренний мир китайцев

Глава 1

Особенности китайского морального сознания или почему у китайцев нет совести

Большинство жителей западных стран имеют весьма смутные представления о Китае, что уж говорить о таких вещах, как китайские нормы морали. В лучшем случае

на ум приходят «китайские церемонии», для которых характерно нагромождение особых правил поведения, и то, представление о них европейцы получили в основном из киноиндустрии. Но что для китайцев значат добро и зло, добродетель и человеколюбие? Мучают ли китайцев угрызения совести? Удивлённый читатель, наверняка, сейчас находится в сомнении, возможно ли, чтобы кто-то не испытывал угрызений совести? В этой главе мы ответим на все эти вопросы и реконструируем моральное сознание китайцев, живших при императоре, дабы продемонстрировать отличия психологии китайцев от психологии западного человека в вопросах, касающихся нравственности. Предупреждая вопросы о том, почему поставлена задача реконструировать сознание именно китайцев, живших при императоре, совершившим небольшой

экскурс в историю. Дело в том, что на протяжении более 2000 лет, то есть начиная с династии Хань и заканчивая Синьхайской революцией, произошедшей в 1911 году, официальной государственной идеологией было конфуцианство. Конфуцианские нормы поведения и мировоззрение были издревле усвоены большей частью населения страны, поскольку уходили корнями во времена, предшествовавшие рождению Конфуция. Впрочем он и не скрывал, что в первую очередь занимался ретрансляцией традиций. Таким образом, на протяжении двух тысячелетий имперского Китая поведение людей определялось конфуцианскими нормами. Исторические события, потрясшие страну в 20 веке, не смогли полностью искоренить вековые традиции в сознании населения, поэтому для понимания современных китайцев и их культуры важно ре-

конструировать личности их соотечественников, живших много веков назад. Главная особенность морального сознания китайцев того времени состояла в том, что они не испытывали чувства вины. На первый взгляд это утверждение кажется абсурдным, но мы просим читателя проявить терпение и проследить за дальнейшим ходом нашей мысли, дабы получить полное представление о данной теории. На каком основании можно сделать подобный вывод? Лучше всего было бы предложить читателю текст, в котором китаец описывает свои переживания, связанные с совершённым им преступлением (наподобие «Преступления и наказания»), однако такого текста нет. Поэтому мы можем опираться на конфуцианские тексты, являющиеся нормативной этической базой для любого китайца, а так же на юридические документы, поз-

воляющие определить соотношение закона и обычаев. Посмотрим, что говорил на эту тему непосредственно сам Конфуций. «Учитель сказал: — Ничего не поделаешь! Я не видел, чтобы человек мог, заметив свои ошибки, осудить себя в душе»⁴⁸.

Как мы видим, Конфуций считает, что человек не способен самостоятельно дать оценку своим действиям и «осудить себя в душе», другими словами, он не может испытывать чувство вины. Что же с точки зрения Конфуция может чувствовать человек, нарушивший этические нормы? Конфуций полагает, что в подобных случаях человек должен испытывать стыд. Он должен соблюдать традиции и следовать этическим нормам в своём поведении, чтобы оглядываясь на свои поступ-

---

⁴⁸ Лунь Юй, V, 26//Конфуций. Лунь Юй. Пер. Переломова Л.С. М.: Восточная литература, 2001.

ки, ему было нечего стыдиться⁴⁹. Однако мы не можем лишь на основании изречений Конфуция утверждать, что китайцы испытывали только стыд, а чувство вины им было незнакомо. Чтобы понять, была ли у китайцев совесть, чувствовали ли они вину или только стыд, разберёмся с тем, что из себя представляют эти категории и как они формируются в сознании человека. Совесть понимается одинаково во всех культурах: если она есть, то она выступает в качестве внутреннего голоса, разделяющего добро и зло. Таким образом, совесть — это усвоенные человеком моральные нормы, при нарушении которых он испытывает чувство неловкости или вины. Совесть формируется в детском возрасте, в процессе социализации, когда ребёнком усваива-

---

⁴⁹ Лунь Юй, XII, 4//Конфуций. Лунь Юй. Пер. Переломова Л.С. М.: Восточная литература, 2001.

ются социо-культурные установки, на базе которых возникают его личные идеалы. Этические нормы, транслируемые ребёнку, должны носить абсолютный характер, в противном случае они могут остаться для него лишь формальными правилами. Например, в европейских странах ребёнка учат, что убивать плохо, и это плохо без всяких компромиссов. То же самое и с другими нормами. «Не кради» — норма, которая так же относится к любым ситуациям. Ребёнку не говорят, что украсть у родственника — это не так плохо, как украсть у постороннего человека, говорят, что украсть — это плохо само по себе. Нарушение базовых этических норм представляется в сознании ребёнка абсолютным злом. Однако для завершения процесса интериоризации моральных норм необходимо, чтобы поведение близкого ребёнку социаль-

ного окружения не противоречило этим нормам, и ребёнок совершал моральный выбор и чувствовал за него ответственность. То есть для того, чтобы в ребёнке сформировалась совесть, знания этических норм недостаточно. Необходимо также поощрять в ребёнке самостоятельность в принятии решений и независимость в суждениях, потому что лишь тогда в своих поступках он будет руководствоваться совестью, а именно своими представлениями о добре и зле, а не ожиданием одобрения или порицания со стороны внешнего авторитета (родителя или воспитателя). Теперь мы имеем представление о том, как совесть формируется в сознании индивида, и нам предстоит понять, как этот процесс происходил у китайцев.

Уже в детстве китайцы сталкивались с конфуцианскими нормами. Дети должны бы-

ли определённым образом обращаться к родителям, учителям и другим людям, просто уважительного тона было недостаточно, необходимо было соблюсти ритуал! В школе заучивали наизусть отрывки из канонических конфуцианских текстов, так как от их знания и соблюдения зависела вся последующая жизнь. Нарушение любой незначительной нормы могло повлечь за собой даже уголовное наказание по статье «за то, что не следует делать»⁵⁰. Особое внимание в конфуцианстве уделялось этико-религиозным нормам, которые регламентировали мельчайшие детали человеческой жизни, начиная от приёма пищи и заканчивая управлением государства. Поэтому нам придётся разобрать-

---

⁵⁰ Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 26–30. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 2008, с.113.

ся с основами конфуцианства, дабы увидеть мир глазами средневекового китайца и понять, что в его понимании соответствовало нормам морали, а что нет.

Конфуций не претендовал ни на какие новшества своим учением, наоборот, он был борцом за древние обычаи и противился любым изменениям. Он считал, что если люди будут из века в век руководствоваться в своих действиях одними и теми же правилами, тогда в государстве наступят стабильность и процветание. Воплощение традиций он видел в «ли» (обряд, этика, ритуал). Ли представляло собой правила поведения и мышления, оно сочетало в себе и этику, и ритуал. Под этой формулировкой мы не имеем в виду, что одни правила ли предписывали, как нужно себя вести, а другие правила ли — как нужно мыслить. Следуя ли в своих поступках,

человек одновременно принимал и ту картину мира, которая формировалась за счёт ли, он видел реальность через призму усвоенных традиций и правил. Каждый его поступок одновременно был ритуальным действием, поддерживающим вековой вселенский порядок.

Большая часть ли была собрана в трактате «Ли цзи», включённом в число конфуцианских канонов — «Пятикнижие» («У цзин»). Ли чётко передаёт представление китайцев об устройстве социума: люди делятся на верхи и низы, на управителей и народ. Каждый человек должен знать свои права и обязанности и строго следовать им. В «Ли цзи» есть предписания почти на все случаи жизни: кто кому должен уступить дорогу; через какие ворота может пройти обычный житель, а через какие чиновник; как принимать гостей, кто где должен сидеть и кто первым вкушать пищу и

т.д. (перечислять все правила просто не имеет смысла, так как их более тысячи). Основной смысл ли заключался в фиксации социально-политического неравенства, которое обеспечивало стабильное функционирование социума. Для того чтобы у людей не возникало никаких сомнений в справедливости подобного устройства, нормы конфуцианства были возведены в закон. В уголовном кодексе времён династии Тан были закреплены рангово-иерархические различия и до мелочей прописаны правила поведения между младшими и старшими в семье, а также между младшими и старшими по позиции в социальной иерархии, когда речь шла о поведении вне семьи. Согласно Конфуцию порядок в Поднебесной поддерживался в первую очередь за счёт подобного социального устройства, поскольку у каждого человека своя функция, и если пе-

карь начнёт править страной, а государь начнёт печь хлеб, то страна погрязнет в войнах или умрёт от голода⁵¹.

Читателю, наверное, не терпится узнать, когда же авторы начнут вести речь непосредственно об этике. Но дело в том, что ли являлось основой этики. Таким категориям как «добро» и «зло», «добродетель» и «сострадание» уделялось в конфуцианстве очень мало внимания. Однако было несколько понятий, перевод которых на русский язык сразу вызывает ассоциации с моралью. Это такие понятия, как «жэнь» («человеколюбие», «гуманность») и «и» («долг»). Как Вы уже, наверное, догадались, они имеют смысл, отличный от того, что в них вкладывает европеец. Жэнь и и построены на следовании пра-

---

⁵¹ Васильев Л. С. Этикаириуал втрактате «ЛиЦзи», 1988, с.178.

вильным отношениям между людьми, а также уважении и почтении к старшим. «Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям — это основа человеколюбия»⁵².

Так мы знакомимся с ключевым понятием конфуцианства, именуемым «принцип сяо» («принцип сыновней почтительности»). Принцип сяо требовал от человека глубочайшего уважения и, главное, выражения своего почёта лицам старше или выше по занимаемому ими месту в социальной иерархии. Принцип сяо был также главным регулятором семейных отношений, поведение человека как сына/дочери, отца/матери, мужа/жены полностью регламентировалось, вплоть до того, сколько поклонов утром нуж-

---

⁵² Лунь Юй, I, 2//Конфуций. Лунь Юй. Пер. Переломова Л.С. М.: Восточная литература, 2001.

но совершать перед родителями и т.д. То есть представления о гуманности и долге в китайской культуре сводились к почитанию и уважению старших вкупе с соблюдением ритуала. Всё это не может не натолкнуть нас на мысль, что нельзя испытывать чувство вины из-за того, что ты с утра не поклонился, проходя мимо родительской спальни.

В учении Конфуция принципу сяо придавалось весьма большое значение, но далеко не главное. Несмотря на всю значимость уважения старших и соблюдения ритуала, Конфуций считал возможным нарушение принципа сяо. Он развивал концепцию «цзюньцзы», то есть концепцию «благородного мужа», который должен был в своих поступках руководствоваться не только уважением к старшим и соблюдением ритуала, но также милосердием и состраданием. Цзюньцзы был

воплощением идеальной личности, высокообразованной и нравственной. Конфуций считал, что в случае если цзюньцзы становился свидетелем несправедливости и попрания традиций, ему следовало увещевать правителя, что в его государстве происходит неладное. Если же это не помогало — покинуть службу. Всё это было нарушением принципа сяо. Однако это соответствовало истинным идеям Конфуция, считавшего, что для соблюдения ритуала обязательно необходимо обладать жэнь, что в данном контексте следует понимать как некое внутреннее ощущение. Главным в соблюдении ли он считал внутренние процессы, происходящие при этом в человеке. Однако несоблюдение ли даже во внешних проявлениях он считал верхом аморальности. Цзюньцзы не мог идти одним путём с

такими людьми⁵³. То есть Конфуций считал возможным ситуацию, когда цзюньцзы предстояло сделать выбор между внешним соблюдением ли и внутренним. В то время подобная ситуация представляла собой серьёзную дилемму, ведь цзюньцзы приходилось совершать сложный моральный выбор. Европейцу может показаться странным, что самый сложный моральный выбор был между внешним соблюдением этических норм и внутренним следованием им же. Тем не менее нужно учитывать, что китайское общество представляло собой жёсткую иерархическую систему, где нарушение субординации было одним из самых тяжких нарушений, а Конфуций говорил, что цзюньцзы не должен был

---

⁵³ Более подробно об этом читатель может прочитать в книге Рубина В.А. «Личность и власть в Древнем Китае». М., 1999.

соблюдать субординацию, если его правитель безнравственен. Подобные ситуации не чужды и современному западному человеку: многие работают на безнравственных начальников, убийц и воров, однако отрешиваются от необходимости совершать моральный выбор.

Нам важно наличие ситуаций, требующих морального выбора, как признак того, что у китайцев была совесть. В конфуцианских текстах были детально прописаны поведенческие модели на все случаи жизни, однако были моменты, когда человеку было необходимо сознательно нарушить или соблюсти какую-либо из норм, возможно одновременно нарушая другую норму. Есть две классические истории, описывающих подобные ситуации. Первая — история о жителе княжества Лу, который, будучи в действующей армии, трижды убегал с поля битвы, но был про-

щён Конфуцием, поскольку выяснилось, что он у родителей единственный сын и в случае его смерти о стариках некому будет позаботиться. И вторая — о жителе княжества Чу, который честно сообщил властям о совершённом его отцом преступлении, но был казнён вопреки, казалось бы, всякому здравому разумению — за неуважение к родителю⁵⁴. Эти истории показывают, что подчас поведение человека всё же зависело от его внутренних убеждений, и нельзя было точно сказать, как он себя поведёт. Государству же было невыгодно наличие у человека хоть капельки свободы. Его поведение и мышление должно было быть полностью предсказуемо и регламентировано до мельчайших деталей, в

---

⁵⁴The Book of Lord Shang, a classic of the Chinese School of Law, by Dr. J.J. Duyvendac. London, 1963, p. 115.

противном случае им могли овладеть сомнения, и из-за поломки одной маленькой детали могли произойти сбои в функционировании большой машины. Поэтому когда государство приняло конфуцианство на вооружение как идеологию, концепция «цзюньцзы» была трансформирована. Теперь образ цзюньцзы представлял собой государственного чиновника, который в свободное от службы время занимался литературой и искусствами. Нравственные идеалы, приписываемые ему изначально, были нивелированы. Акцент в конфуцианстве был смещён на принцип сяо. В 2–3 вв. до н.э. был написан трактат «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин»), где принцип сяо уже имеет характер божественной заповеди. Но для полного устранения даже возможности морального выбора, необходимо было создать строгую иерархию мо-

ральных приоритетов, чтобы человек не задумывался о том, какой выбор будет правильный. И уже в танском кодексе (6 в. н.э.) традиционные нормы были возведены в закон, с приоритетом принципа сяо перед остальными этическими категориями. Для разрешения ситуаций, когда индивиду необходимо было совершить сложный нравственный выбор, чаще всего между семьёй и государством, в право был введён принцип сянжунъинь, или «взаимное предоставление убежища», «взаимное укрывательство»⁵⁵. Его смысл заключался в том, что при необходимости совершения морального выбора в сложных ситуациях, касающихся кого-то из членов семьи, человек руководствовался официальной сет-

---

⁵⁵ Рыбаков В.М. Преломление морали в праве: механизм «сянжунъинь» // альманах «Петербургское востоковедение», № 9. СПб, 1998.

кой приоритетов, составленной исходя из семейной иерархии. Если кто-то из членов семьи совершал преступление, то все члены семьи должны были его покрывать, в противном же случае они несли наказание. Можно было донести главе семье на родственника, планировавшего преступление против кого-то из членов семьи. Но единственным исключением, когда можно было донести на своего родственника государству, была ситуация, когда он планировал преступление, представляющее угрозу государственной стабильности или жизни императора. Это было связано с тем, что принцип сяо переносился и на отношения между государем и поданными. Таким образом, в официальной сетке приоритетов император стоял выше собственного отца.

Отступления в своём поведении от принципа сяо получали статус преступлений. Од-

нако это отлично вписывалось в сознание китайцев и не могло восприниматься как принуждение, так как на тот момент все эти принципы соблюдались большей частью населения уже на протяжении почти тысячелетия. Возведение этических норм в статус закона лишило китайцев необходимости совершать моральный выбор. Ситуации, требующие от личности самостоятельного решения, какой поступок в данном случае будет нравственен, более не были возможны. Так государство лишило китайцев совести.

Посмотрим на нашу схему формирования совести. Мы назвали две главных составляющих, без которых невозможно её формирование: абсолютные этические нормы и категории, и самостоятельность в моральных суждениях. Выше мы показали, что самостоятельности в моральных суждениях китайцев

не было. Но что же можно сказать об абсолютных этических нормах? На протяжении всей главы мы ни разу не упомянули китайские божественные заповеди, понимание китайцами добра и зла. Читателю снова предстоит удивиться.

Дело в том, что в китайской культуре этика не сложилась в отдельную дисциплину, поэтому мы нигде не можем ознакомиться с чёткими определениями этических категорий, а лишь встречаем предписания к поведению в конкретных ситуациях. В связи с особенностями китайского сознания, в культуре не возникало абсолютных категорий. Впрочем, это касается не только этики. Области сущего и должного, практического и теоретического никогда не были разделены в принципе, о чём также свидетельствует отсутствие в Китае теоретических наук. Однако вернёмся

к вопросам морали. Понятия «добро» и «зло» не представляли собой онтологические абсолютные категории, размышлениям о них не уделялось много внимания. Если в некоторых культурах они подчас играли важную роль в представлениях об устройстве мироздания, то в китайской культуре под ними понимались выгода и невыгода, польза и вред, красивое и уродливое и т.п. Понятия добра и зла всегда рассматривались относительно конкретного человека и ситуации, но никогда в масштабе вселенной или хотя бы человечества в целом.

Ситуативность и конкретность пронизывают китайскую культуру целиком и полностью. Это касается и правоприменительной практики. Даже китайские «10 зол», являющиеся основой китайского права, всегда применялись в соответствии с конкретной ситу-

ацией. Но читателю не стоит заблуждаться о категории «10 зол», они не имеют ничего общего с божественными заповедями. Первое из «10 зол» — «заговор о мятеже против государя». Второе касалось нарушения принятых порядков и моральных устоев. К этой категории были отнесены такие преступления, как попытка разрушить или разрушение храма и могил предков императора или императорской резиденции. Третье зло так же касалось фигуры императора и государственного устройства, к нему относили измену императору, государству, переход на сторону его врагов, мятеж и т.д. Нет необходимости перечислять все «10 зол», так как там нигде не встретятся категории, касающиеся нарушения какой-то абсолютной этической нормы вроде «не убий» или «не прелюбодействуй». Все преступления, относящиеся к категории

«10 зол», можно обобщить как преступления против ритуала, против существующего социального устройства⁵⁶. Традиции и право не формировали у китайцев негативное отношение к преступлению как таковому. За одно и то же преступление люди получали разные наказания в зависимости от занимаемых преступником и потерпевшим мест в социальной иерархии, от того, какие отношения связывали их в системе кровнородственных и служебных связей и т.д. За убийство жены муж наказывался менее строго, чем за убийство постороннего человека. За убийство человека «по ошибке», например во время игры, вообще можно было откупиться, более того — это было прописано в кодексе. Что каса-

---

⁵⁶ Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 1999, с.80.

ется кражи, то здесь также руководствовались социальными иерархиями. Если человек украл у постороннего ему человека, то ему следовало более строгое наказание, чем за кражу того же самого у троюродного дяди. Мера наказания за преступления против родственников определялась близостью родства: «За кражу имущества, принадлежащего родственнику четвёртой или третьей степени, мера наказания снижается на один пункт, родственнику второй степени — на два пункта, родственнику первой степени — на три пункта»⁵⁷.

То есть мы видим, что преступления сами по себе ничего не значили. Человека наказывали не за кражу или убийство, а за нарушение социального порядка. Закон защищал

---

⁵⁷ Рыбаков В.М. Функция, Статус и Персона в танском правовом мышлении, М.1985.

не человека, а функцию, выполняемую им в обществе, его статус, таким образом поддерживая рангово-иерархический порядок.

Могла ли у ребёнка в таких социокультурных условиях сформироваться совесть? Он на протяжении всей своей жизни видел, что родители руководствуются в своих поступках правилами поведения, основанными на социально-политическом неравенстве. Ни в одном действии не было самостоятельности, так как всё должно было соответствовать установленному порядку, в противном случае на семью можно было навлечь позор. Ребёнок даже не задумывался о том, что правильно, а что нет, так как его не учили быть моральным субъектом, а учили строго выполнять правила. При этом ребёнок нигде не мог узнать о каких-то абсолютных моральных категориях. Если бы родители учили его, что

убивать это плохо, как бы они объяснили ему, почему их сосед слева убил человека и понёс наказание в виде денежного откупа, а их сосед справа за то же преступление получил несколько лет каторги? Поэтому детей просто не учили таким вещам. Единственными абсолютными категориями, которые могли возникнуть в сознании ребёнка были император и ли. Но нарушая ли, человек не мог испытывать чувство вины, так как это не было некой внутренней моральной категорией, ведь она касалась не какого-то конкретного проступка (например, кражи или измены), а каждого шага и слова сказанного кому-то. Таким образом, моральное сознание китайца включалось, только когда был второй субъект. Если китаец делал что-то не так с точки зрения ли и об этом никто не узнавал, то он не испытывал никаких чувств. Если же его наруше-

ние становилось известным — он испытывал стыд. Чувство же вины предполагает, что человек сомневается в моральности своего поступка и неважно, узнает об этом кто-то или нет. Но чтобы подобные сомнения возникли, необходимы были внутренние представления о добре и зле, о моральном и аморальном, которых, как было показано выше, у китайцев не было.

В китайском обществе поведение людей направлялось конфуцианскими нормами, а отношения регулировались подобными юридическими кодексами вплоть до 1911 года. Поэтому мы смеем предположить, что если на протяжении 2000 лет из поколения в поколения жизнь людей направлялась одними и теми же нормами, то это могло изменить их сознание даже на уровне нейронных связей. И сотни лет явно недостаточно для очище-

ния сознания от вековых наслоений. Не говоря уже о том, что социальное устройство современного Китая всё ещё имеет много общего со Средневековьем.

Глава 2

В чём ли семьи или почему в Китае убивают новорождённых девочек

Если бы в китайском кинематографе было столько же фильмов о семейных отношениях, сколько в Европе, то среди них преобладали бы жанры драмы и триллера, нежели романтической комедии. Дело в том, что функциональный взгляд на мир наложил свой отпеча-

ток и на семейные отношения. В связи с этим к женщине относились как к вещи, ценность которой определялась приносимой ею пользой. В случае чего её можно было поменять, продать или выбросить. Конечно, в современном Китае наблюдаются кое-какие изменения в этом плане, однако среди большинства населения до сих пор преобладает традиционный взгляд на брак, семейные отношения и женщин в целом.

Как стало ясно читателю из предыдущей главы, конфуцианство регламентировало межличностные отношения и поведение людей на основе ли и сяо. Однако их соблюдение не было самоцелью. Конфуций разработал эти категории как средства, необходимые для осуществления смысла человеческой жизни — служения предкам. Со становлением конфуцианства в качестве официальной

идеологии, культ предков стал структурирующим началом китайского социума и проник в каждую семью. Главной обязанностью человека считалась забота об умерших и точное исполнение ритуалов и жертвоприношений в их честь. Это странное представление о жизни, где живые служат мёртвым, сформировало соответствующую форму организации семьи. Глава семьи служил посредником между покойными предками и их живущими потомками, его долгом было не допустить угасания рода, ведь тогда некому будет служить предкам, что может разгневать их. Согласно китайским представлениям о загробном мире, души предков невидимы, но обитают среди живых людей, и если вовремя не ублажить их жертвой, то они могут прийти в ярость и начать вредительствовать, вплоть до причинения телесных увечий, то есть мо-

гут побить или задушить любого попавшегося им под руку. Таким образом, несоблюдение культа предков одним человеком могло нанести ущерб всем. Поэтому любой мужчина в первую очередь должен был обеспечить себе потомство, произвести на свет как можно больше сыновей, вырастить их, женить и дожидаться внуков. Лишь после этого он мог обрести покой и спокойно умереть.

Вследствие этого брак уже не был его личным делом, т.к. он касался благополучия всей семьи и, более того, общественной стабильности. Брак рассматривался как ритуальный обряд, но не как священный союз мужчины и женщины, чтобы «два стало одной плотью», а как исполнение культа предков. Жених и невеста были пассивными участниками этого акта, так как девушку для новой семьи выбирал глава семейства, то есть отец жениха.

Как правило, свадьба была их первым или вторым свиданием. В сущности, они были чужими друг другу людьми. Но это не играло абсолютно никакой роли, так как оба смотрели на происходящее как исполнение религиозной обязанности и своего долга. Если же что-то мешало осуществлению ли брака, то причины выяснялись всей семьёй. Тематика была не ограничена, так как в таких делах не было места личному. Если по какой-либо причине на протяжении первого года брака не был зачат ребёнок, то на большом семейном собрании, участниками которого могло быть несколько десятков человек, обсуждались самые интимные вопросы, связанные с сексуальными отношениями молодожёнов, вплоть до того, в какой позе они совершают этот важный ритуал.

Вы спросите: А как же любовь? Всё дело

в том, что любовь была делом чуть ли не постыдным, когда речь шла о браке. Ли брака было не в соединении мужчины и женщины, а в соединении двух семей. И так как главной целью этого было продолжение рода и служение предкам, то вопросы о чувствах оставляли без внимания. Такое отношение к браку сложилось в Китае с установлением конфуцианства, прежде эти традиции соблюдались лишь в знатных семьях, а простой люд мог создавать семьи, следуя душевному порыву.

Конфуцианцы изменили даже употребление термина «любовь»: «исправили» его, придав ему «истинное» значение. Это слово стало использоваться при выражении своих чувств по отношению к предкам, родителям, императору, детям и в последнюю очередь к жене⁵⁸.

---

⁵⁸Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Востлит, 2001.

Однако это отнюдь не значит, что в китайской культуре не было представлений о романтической любви. Но, думаю, читатель уже и сам догадывается, что они разительно отличались от европейских рыцарских представлений. Любовь была прерогативой мужчины. Лишь при заключении первого брака он должен был следовать решению родителей, так как рождённые в нём дети будут продолжателями рода⁵⁹. Последующие связи с женщинами уже считались необязательными, в них мужчина обладал большей свободой выбора. Основная специфическая черта подобной любви заключалась в том, что она в первую очередь обслуживала мужчин.

---

⁵⁹ Сыновья, рождённые в первом браке будут занимать более высокое положение в семейной иерархии, чем дети от последующих браков, поэтому кто-то из них станет главой рода.

Как правило, между мужем и женой не было никакой эмоциональной связи, их отношения основывались на чувстве долга перед предками и носили рациональный прагматический характер. Но конфуцианцам было не под силу изменить свойства человеческой психики, поэтому и мужчине, и женщине было необходимо перенаправить куда-то свою сексуальную энергию и излить на кого-то свои эмоции. В случае если женщине не повезло, и она не полюбила своего мужа⁶⁰, то единственным выходом было рождение ребёнка. Если этого не происходило, её жизнь превращалась в ад, и нередко заканчивалась помешательством.

---

⁶⁰ Любовь иногда возникала, однако женщине считалось неприличным проявлять чувства к мужчине, т.к. её функции заключались в служении ему и предкам. Поэтому, даже если чувства были, в большинстве случаев они не были раскрыты в полной мере.

Способы удовлетворения потребностей мужчин были различны. Можно было завести ещё одну-две жены, несколько наложниц (считалось, что богатый человек должен иметь не меньше двух). И, конечно, можно было выплёскивать все свои чувства на проституток, которых было в избытке. По некоторым сведениям, первые публичные дома в Китае были учреждены ещё в 7 в. до н.э.⁶¹, однако неотъемлемой частью жизни большинства китайцев они стали лишь в эпоху Тан (7–10 вв. н.э.), когда проституция приобрела массовый характер. В тогдашней столице Китая Чанань (нынешний Сиань) был целый квартал развлечений, называвшийся «Бей ли» («Северный квартал»). Там размещались публичные дома разного разме-

---

⁶¹ Гулик ван, Р. «Сексуальная жизнь в древнем Китае». СПб., 2000.

ра и уровня обслуживания. Самым простым их видом были заведения, предоставляющие примитивные услуги исключительно сексуального характера, они, бывало, состояли только из одной работницы. Но были и большие богато украшенные дома с проститутками высшего класса, которые помимо своих прямых функций могли поддерживать серьёзную беседу, умели играть на музыкальных инструментах, танцевать и иногда даже слагать стихи. В средневековом Китае они были наиболее образованной частью женского населения. Как правило, на работу в заведения такого уровня принимали либо специально для этого обученных девушек, с детства отданных получать соответствующее воспитание и образование, либо же представительниц творческих профессий — актрис или танцовщиц, часто подрабатывав-

ших проституцией. Большинство мужчин не могло позволить себе вторую жену и более одной наложницы, однако постоянно искали новых чувственных удовольствий и даже увлечений. Проститутки высшего класса предоставляли своего рода «любовь напрокат». Каждый мог почувствовать их любовь и привязанность, и проводить время не только в плотских утехах, но и в беседе, танце, наслаждении музыкой, чего не могла им предоставить жена. Общество не порицало подобное поведение, а государство даже поощряло. Нельзя точно сказать, что определяло такое отношение. Возможно, понимание необходимости эмоциональной разрядки, вызволения естественных чувств хотя бы на ограниченное время, а может быть что-то другое. Однако в эпоху Сун (10–13 вв. н.э.) даже существовали публичные дома,

получающие государственные субсидии для обслуживания военных. То есть покупка мужчиной любви для удовлетворения своих сексуальных потребностей считалась нормой.

Что же касается жён, то те не имели права даже на ревность, не говоря уже о каких-либо других вольностях. Впрочем, это не воспринималось ими как притеснение, так как с раннего детства девочкам внушали, что их предназначение — стать чьей-то женой и родить детей. Девочек воспитывали таким образом, чтобы они испытывали трепет перед старшими и мужем. Идеалом жены была покорная женщина, сознающая чувство долга и соблюдающая конфуцианские правила. Вопрос об её чувствах к жениху или мужу не ставился, ведь брак заключался не ради неё, а ради предков. Распространённые среди фольклора других народов жалобы девушки на брак с

нелюбимым и насильственную выдачу замуж не характерны для китайской культуры, что лишний раз показывает глубокую укоренённость этого странного мировоззрения.

В отношении к женщине особенно заметно доминирование у китайцев видения мира сквозь призму полезности и функциональности. Женщину считали не более чем вещью, функцией которой было рожать детей и угождать мужу и его родственникам. Воспитание опустошало их и учило подавлять свои мысли и эмоциональные порывы, в особенности связанные с эротическими влечениями. Девочку с раннего детства окружало презрение, в ней воспитывалось понимание собственной неполноценности по сравнению с мужчинами. Эти взгляды описываются уже в песнях «Ши цзин», где говорится, что новорождённого мальчика кладут на богатую ци-

новку, окружают его вниманием и радуют хорошими игрушками, а девочку оставляют лежать в одиночестве на куче ненужных старых тряпок с осколками глиняной посуды в качестве забавы. Младенец женского пола всегда воспринимался как обуза, и главной целью родителей было избавиться от него. Одним из самых гуманных способов было замужество. Как уже говорилось выше, молодые люди не участвовали в выборе супруга, их выбирали семьи. На смотринах родственники жениха должны были убедиться в том, что невеста подходит по всем параметрам. Девушка должна была не только проявлять благовоспитанность и покорность, но и соответствовать канонам красоты. Начиная с 10 в. н.э. вплоть до Синьхайской революции 1911 года в Китае были особые представления о прекрасном. В девушках определяющим кра-

соту параметром было не лицо, а ступни. Их длина не должна была превышать 10 см. Такие ножки назывались «золотым лотосом». Для достижения такого крохотного размера ступней, девочек, начиная с 3–4 лет, подвергали ежедневной пытке. Им подворачивали все пальцы, кроме большого, под подошву и в таком положении затягивали ступню бинтовой тканью, после придавливали ногу в подъёме камнем, чтобы сломать кости⁶². Ткань необходимо было постоянно затягивать, снимать можно было лишь изредка, ведь в противном случае кости могли начать срастаться. Почти всю свою жизнь женщины ходили с забинтованными ногами, обутыми в маленькие шёлковые туфельки, не снимая их даже во время секса. На смотрах родственники мужа обя-

---

⁶² Чжан Ю. Дикие лебеди: Три дочери Китая. СПб., 2008, с.29.

зательно проверяли размер ступней невесты. Как правило, свекровь приподнимала юбку девушки, и если ноги оказывались длинее четырёх цуней (12 см), то она с пренебрежением отходила, давая понять, что их семья не женит своего сына на девушке с оглоблями вместо прелестных ножек. Семья невесты была опозорена, после этого девушку ждал либо брак с бедняком, либо место в публичном доме, куда её продавали родители.

Если же смотрины оканчивались заключением договора между семьями, то после соответствующих процедур и пышной свадебной церемонии, девушка переходила во владение к семье мужа. Как и любая вещь, она могла быть бракованной, на этот случай предусматривалась возможность возврата в течение трёх месяцев после замужества. Не было ничего зазорного в том, чтобы вер-

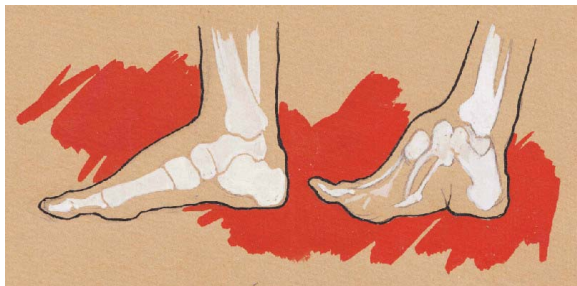
нужь её родителям в этот период, в случае если выяснялось, что она не может функционировать в соответствии со своим предназначением, например, если обнаруживался какой-либо недуг, который мог плохо сказаться на качестве потомков. Если она проходила этот испытательный срок, то её представляли предкам мужа, и она участвовала в обряде жертвоприношения в их честь в храме предков. Лишь с этого дня девушка считалась настоящим членом семьи, однако, далеко не полноправным. В семье мужа она была на положении жены-служанки, которая должна была беспрекословно подчиняться мужу и его старшим родственникам. Наибольшую роль после мужа в жизни женщины играла свекровь. Она возглавляла женскую половину дома, в пределах которой должна была всегда оставаться жена и ни в коем случае

не показываться на глаза чужим людям или гостям. Редко происходили чудеса и в отношениях свекрови и невестки воцаряла гармония, как правило, свекровь пользовалась своей властью и издевалась над молодой девушкой. Жена не могла пожаловаться мужу, так как это воспринималось как нарушение принципа сяо. Её положение упрочивалось лишь после рождения сына, однако и это не ставило её выше свекрови в семейной иерархии. В Китае всегда считалось естественным в голодные годы продать жену или ребёнка, чтобы прокормить родителей⁶³. Такое прискорбное положение женщины было закреплено традицией и законом. Муж и его родители не наказывались за побои жены, даже если они приводили к её смерти. Более того, в случае пло-

---

⁶³Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Востлит, 2001, с. 123.

хого исполнения женой своего долга, мужчина должен был развестись с ней. Среди законных оснований были «отсутствие детей у жены», «неспособность жены служить свёкру и свекрови», «ревность со стороны жены» и «тяжёлое хроническое заболевание»⁶⁴.

Тем не менее, такое положение дел было не самым удручающим, а, напротив, весьма

---

⁶⁴Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 9–16. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 2001.

благополучным. Дело в том, что в Китае издревле существовала традиция убивать новорождённых девочек, так как на их воспитание и содержание необходимо было серьёзно тратиться, а в итоге всё равно отдать в другую семью. Ребёнок женского пола воспринимался как невыгодный. У тех же, кто не решился убить младенца, однако не хотел или не мог её содержать, было два пути. Первый — продать её специальным скупщикам, которые затем сортировали девочек либо для воспитания и последующей работы в публичном доме, либо готовили как наложниц, либо же делали из них певиц или танцовщиц. Второй путь был более гуманный — девочку в раннем возрасте отдавали в более обеспеченную семью, где её воспитывали, содержали, а при достижении брачного возраста женили на одном из своих сыновей. Эта традиция сформирова-

ровалась в эпоху Сун (10–13 вв. н.э.) и получила название «тунъянси» («замужество девочек»).

Все ужасы, описанные в этой главе, рисуют картину тёмного невежественного средневековья и кажутся просто невообразимыми в наши дни. Однако в современном Китае жители экономически отсталых регионов до сих пор являются носителями этого мировоззрения, и относятся к девочкам с презрением, подчёркивая превосходство сыновей, что находит отражение в сохранении многих бесчеловечных традиций. В частности, «замужество девочек» до сих пор широко распространено⁶⁵. Китайские традиции лежат в основе всего общества, т.к. структурируют отношения между людьми. Поэтому если эти

---

⁶⁵ Доменак Ж.-Л., Шанмин Хуа. Семейные отношения в Китае. М., 1991, с.102.

отношения следуют обычаю, то происходит автоматическая ретрансляция традиционного мировоззрения, что не позволяет обществу избавиться от предрассудков, связанных с женщинами. История Китая показывает, что после любого сильного потрясения в стране, будь то война или оккупация, общество само восстанавливает заданный культурой порядок, и люди снова живут в соответствии с традициями, т.к. для их возрождения не нужны учёные мудрецы, а достаточно простых китайцев, являющихся носителями и ретрансляторами своей культуры. Следовательно, изменить мировоззрение жителей Поднебесной можно только целенаправленно и имея в своём распоряжении аппарат воздействия на массы. Преобразование общественного строя и мышления китайцев было одной из главных задач, деклариовавшихся

коммунистами во время гражданской войны. Поэтому многие молодые люди под влиянием эйфории о будущем новом Китае становились участниками подполья и проливали свою кровь. Они верили, что общество избавится от пережитков императорского Китая и будет основано на свободе и равенстве. В частности, этим руководствовались и многие женщины нового поколения, которые не могли принять мировоззрение своих родителей.

Придя к власти в 1949 году, коммунисты стали претворять свои планы в жизнь. Сперва дети обоих полов обрели право ходить в школу. До этого в Китае девочки не получали образование, их всегда учили только конфуцианским нормам и тому как быть хорошей женой. Затем, в 1949 году запретили обычай бинтования ног у девочек и назначили наказание в случае нарушения постановления. А

в 1950 году власти приняли первый Закон о браке. Формально он был направлен на искоренение феодальных представлений о превосходстве мужчины над женщиной, вводя систему брака, основанную на свободе мужчины и женщины в выборе супруга, моногамии, равенстве прав полов, защиты законных интересов женщин и детей. Однако в действительности целью всей кампании по эмансипации женского населения было привлечение новой рабочей силы. Закон так и гласит, что представители обоих полов имеют «право на участие в труде и производстве». К счастью, для китаянок это было невозможно без реальных действий, так как традиционная культура предписывала женщине сидеть дома, а не работать, поэтому представления о превосходстве мужчин были частично искоренены.

Предназначением этого закона также бы-

ло получение государством власти над личной жизнью индивидуумов. Закон предписывал регистрацию брака у местных административных властей. Любой западный человек привычен к этой процедуре, он даже может видеть её полезной и необходимой. Но китайцам того времени подобное новшество казалось вмешательством в семейные дела, до этого бывшие в центре общественной жизни. Теперь же в центре общественной жизни было построение нового социалистического Китая. Партия взяла на себя функции, ранее выполнявшиеся главой семьи. Если молодая пара хотела вступить в брак, она сперва должна была подать заявление в горком партии с просьбой разрешить «говорить о любви»⁶⁶. И насколько бы нелепой и неуместной не ка-

---

⁶⁶ Чжан Ю. Дикie лебеди: Три дочери Китая. СПб., 2008, с.159.

залось читателю эта формальность, она играла судьбоносное значение. Только получив разрешение, можно было подавать заявление на вступление в брак. При этом местные органы власти могли дать и отказ. Как правило, простым людям не озвучивали причины, всё объяснялось внутренними директивами и политической линией партии в данный конкретный период. При этом никогда не уточнялось, чем брак двух молодых людей может помешать исполнению государственных планов. Впрочем, в Китае и прежде не существовало личного, и власть ещё не раз в 20 веке вмешивалась в семейную жизнь индивидуумов. Но об этом мы расскажем Вам позже.

А теперь вернёмся к эмансипации. Женщины действительно получили право трудиться наравне с мужчиной. Они могли получать высшее образование, работать трактори-

стами, врачами, даже партийными работниками — то есть фактически кем угодно. Однако что касается новых норм общественной жизни и отношений между полами, то они соблюдались близко к предписаниям только в городской местности. Крестьяне же часто просто не регистрировали брак⁶⁷. Сама процедура регистрации соблюдалась не так строго, как это было необходимо, поэтому нередко браки совершались в присутствии только одного супруга, несмотря на то, что новый закон предписывал делать это только при явке обоих. Так расхлябанность местных органов управления способствовала сохранению традиционных обычаев, поэтому часто браки совершались вопреки желанию женщины, ведь

---

⁶⁷ По имеющейся статистике, в 1981 г. в провинции Гуйчжоу 40% супружеских пар были не зарегистрированы.

она могла даже не знать о том, что кто-то женит её на себе, пока она сидит на работе⁶⁸. Однако в этом случае была возможность расторгнуть брак, если, конечно, женщина не была заперта на замок, что тоже случалось.

Вопреки программе эмансипации, культура продолжала пускать корни уже в сознание нового поколения, и особенно это касалось крестьян. Среди них сохранялся традиционный взгляд на превосходство мужчин над женщинами, следом за которым непрерывно шла половая дискриминация, начиная с рождения. Если младенца не убивали и не подкидывали, что даже в новом Китае было весьма распространённой практикой⁶⁹, то де-

---

⁶⁸ Доменак Ж.-Л., Шанмин Хуа. Семейные отношения в Китае. М., 1991, с.20.

⁶⁹ Доменак Ж.-Л., Шанмин Хуа. Семейные отношения в Китае. М., 1991, с.179.

вочке в лучшем случае грозило презрительное отношение в семье, в худшем — над ней могли издеваться и бить её до тех пор, пока каким-нибудь выгодным образом не отдадут её в чужие руки. Несмотря на то, что в школы уже можно было ходить детям обоего пола, крестьяне часто не посылали своих дочерей или прерывали их обучение после половины пройденных классов, так как считалось, что образование крестьянину в принципе не так нужно, а уж девочке и подавно не надо быть грамотной. В сельской местности главной целью женщин продолжали видеть замужество. Благодаря тому, что государство устранило представление о женщине только как о жене и роженице, и дополнило их представлением о ней как о работнице, крестьянские семьи получили огромную помощь в ведении хозяйства. Невесты теперь стали на вес золота, так

как могли внести существенный вклад своим трудом. Крестьянский брак вновь стал похож на феодальную сделку купли-продажи. При заключении брака семья жениха выплачивала семье невесты своего рода компенсацию, поэтому родители девушки всегда старались выгадать сумму побольше. Так, в сельской местности фактически появился рынок невест, где их оценивали по состоянию здоровья, внешности и уровню воспитания⁷⁰.

Формально декларируемая моногамия и равенство полов на деле уступали традиции. Многие партийные работники, как когда-то влиятельные чиновники и феодалы императорского Китая, не видели ничего зазорного в том, чтобы иметь половые связи с несколькими женщинами. Чтобы добиться своего, они

---

⁷⁰ Доменак Ж.-Л., Шанмин Хуа. Семейные отношения в Китае. М., 1991, с.90.

порой использовали своё служебное положение, помогая девушке в карьерном росте или задабривая её подарками. Среди крестьянок считалось нормой переспать с мужчиной для получения каких-то привилегий, даже если речь шла всего лишь об увеличенном продуктовом пайке. В городе изменения во взаимоотношениях мужчин и женщин шли с большим успехом. Женщины редко подвергались насилию, и все предписания закона исполнялись с точностью. Революция породила много людей с новым сознанием, для которых равенство полов казалось само собой разумеющимся. Тем не менее, женщины получили право на образование и работу, но не на любовь. Её никто не собирался освобождать от гнёта, которому насчитывалось две тысячи лет. Как и в средневековье, она была окружена чувством стыда и неловкости. Долгое вре-

мя считалось странным, если девушка дружит с молодыми людьми, так как отношения с противоположным полом виделись только в свете сексуальных взаимоотношений, а не равноправного межличностного общения. Девушки нередко вступали в брак за первого же мужчину, начавшего за ними ухаживать. Никакого конфетно-букетного периода этому не предшествовало, так как практика «свиданий» с целью познакомиться поближе была неизвестна. Поступками молодых руководила традиционная культура, не позволявшая общаться мужчине с женщиной до брака. На людях нельзя было не то что целоваться, а даже обниматься и держаться за руки. Эти поступки осуждались, а нарушители публично подвергались критике на собрании своей партийной ячейки. Любые сексуальные связи до брака (включая петтинг) были недопу-

стимы. Незамужние молодые девушки часто накладывали на себя руки, когда узнавали о своей беременности.

В современном Китае ситуация немного изменилась. Молодым парам, не связанным узами брака, разрешено держаться за руку во время прогулки, влюблённые могут даже невинно чмокнуть друг друга. Однако добрачные сексуальные связи до сих пор осуждаются. По данным статистики за 2004 год, для 60% опрошенных девственность являлась важным критерием при выборе будущей супруги/супруга⁷¹. В средних школах подросткам до сих пор запрещено встречаться даже в старших классах, в противном случае, после первого предупреждения их обоих исключают. В китайских же университетах сексуаль-

---

⁷¹Sexual statistics. Li Jian. Shanghai Star. 2004-07-22.

ные связи между студентами так же иногда являются причиной исключения, как правило в случаях беременности⁷².

Все эти правила поведения касаются не только подростков, супружеская жизнь так же не избавилась от некоторых ли. Например, на людях не принято проявлять свои чувства к супругу, даже держаться за руку, особенно, если обоим более 40 лет. В сознании большинства китайцев до сих пор остался предрассудок, что главой семьи является мужчина, поэтому женщина должна вести себя скромно и уважительно по отношению к нему. Вместе с этим пережитком конфуцианства сохранились и многие другие. Китайская пропаганда и министерство культуры до

---

⁷²ENCYCLOPEDIA OF CONTEMPORARY CHINESE CULTURE. Edward L.Davis. Routledge, 2005.

сих пор вырезают из кино многие неприличные сцены, стараясь не показывать секс как слияние мужчины и женщины в порыве любви, как возможность эмоционального сближения. Секс преподносится в физиологическом ключе. Курс на эмансипацию так и не был реализован полностью. Женщины не получили своё главное право — любить и чувствовать.

Партия продолжает пропагандировать и укреплять традиционные представления о семье как о базовой ячейке общества. Любовь вместе с созидającym началом несёт в себе и разрушительное, она неконтролируема и может привести к распаду семьи. Чувственность в отношениях между мужчиной и женщиной приводит к ревности, ссорам, волнению, поэтому она вредна для семейных отношений. В связи с этим тема любви всячески избегается. Партия рассматривает семью только с

точки зрения её социальных функций. Отношения между мужчиной и женщиной, рождение и воспитание детей играют важную роль в воспроизводстве существующего социального устройства. Семья передаёт новому поколению взгляд на мир сквозь призму иерархий и различий, которые до сих пор служат основанием всего социума. Если имеющаяся модель взаимоотношений мужчины и женщины будет подвергнута вскрытию и переосмыслению, и семья перестанет быть незыблемой единицей жизни китайцев, то под нож сомнения ляжет организация всего социума. Значит, ли семьи — в поддержании стабильности в Поднебесной.

Вследствие этого должны быть устранены все факторы, способные разрушить семью. Помимо любви, могут быть и иные причины, влекущие разлад. В начале главы были

описаны законные основания для развода в средневековом Китае, то есть такая практика была, однако воспринималась обществом как самая крайняя мера, так как она навлекала на обе семьи позор. Брак был овеян религиозным туманом и считалось, что он заключается навеки. И если мужчина ещё имел право на развод в случаях, когда супруга не могла выполнить свой долг, то женщина такого права не имела. Это прекрасно отображено в китайской пословице: «Если женщина выходит замуж за петуха, то она должна быть навеки с петухом; если она выходит замуж за собаку, значит должна быть навеки с собакой»⁷³. Несмотря на укоренённость в сознании людей негативного отношения к разводу,

---

⁷³ENCYCLOPEDIA OF CONTEMPORARY CHINESE CULTURE. Edward L.Davis. Routledge, 2005.

государство хотело свести все исключительные случаи к минимуму. Как следствие проводилась политика их ограничения. Заявление на развод, так же как и на вступление в брак, рассматривалось местными органами власти, которые могли не дать разрешения, обосновав это теми же бессодержательными фразами о внутренних директивах партии и т.д.⁷⁴. Но государство в деле сохранения семейных ценностей шло ещё дальше. Поскольку во многих случаях причиной подачи заявления было двоежёнство (то есть наличие постоянной любовницы), партия решила и это запретить законом. 28 апреля 2001 года была принята третья редакция Закона КНР о браке. В частности, в нём устанавливается мера наказания до двух лет лишения свободы за

---

⁷⁴ Доменак Ж.-Л., Шанмин Хуа. Семейные отношения в Китае. М., 1991, с.74.

«совместное проживание одного из супругов с другим лицом противоположного пола», и пострадавшей стороне при расторжении брака гарантируется денежная компенсация⁷⁵. При этом просто внебрачные связи, которые не могут выступать как свидетельства бигамии, не были отнесены к уголовным преступлениям.

Между тем, китайская действительность показывает неэффективность всех этих мер при столкновении с устоявшимся за века мировоззрением. Никуда не исчезло представление о неравенстве полов как естественном и предзаданном самой природой, мальчики до сих пор ценятся выше, всё так же распространена практика убийства новорождённых девочек. В результате женщин в Китае насчи-

---

⁷⁵Новая редакция закона КНР о браке. О. Почагина. «Проблемы Дальнего Востока», 2002, №3, с. 22–33.

тывается на 44 миллиона меньше, чем мужчин⁷⁶. Мы не пытаемся оспорить тот факт, что отношение к женщинам в обществе претерпело существенные изменения, однако ряд данных позволяет считать, что традиционная культура продолжает непосредственно влиять на взаимоотношения полов. В обществе не исчезло традиционное представление о превосходстве мужчины над женщиной, и о характере их взаимоотношений. Как следствие, обеспеченные мужчины всё так же заводят

---

⁷⁶ «The Mirror», Великобритания. 06/05/2004; и ещё ссылка: По ряду причин статистике о Китае никогда нельзя доверять полностью. Главной причиной является обычай искажения приводимых данных в зависимости от декларируемых партией целей. Подтверждением тому, что эта практика в Китае достаточно распространена, служит тот факт, что несколько лет назад была введена уголовная ответственность за преднамеренное искажение статистических данных.

себе вторую жену или наложницу, просто они теперь именуются любовницами. Им покупаются квартиры, машины, но они не имеют официального статуса⁷⁷. Менее богатые мужчины продолжают пользоваться услугами проституток, коих насчитывается по всей стране порядка 10 миллионов⁷⁸. Авторы сами не раз сталкивались с этой индустрией, так как даже в столице на оживлённых улицах толпы «промоутеров», начиная с 8 часов вечера, зазывают иностранцев фразами «do you want lady bar» или «do you want chinese girl». Несмотря на принятые законы, женщи-

---

⁷⁷ENCYCLOPEDIA OF CONTEMPORARY CHINESE CULTURE. Edward L.Davis. Routledge, 2005.

⁷⁸ENCYCLOPEDIA OF CONTEMPORARY CHINESE CULTURE. Edward L.Davis. Routledge, 2005.

ны так же как и прежде подвергаются насилию. Согласно статистике, собранной китайским институтом права в трёх провинциях, треть опрошенных подвергались насилию и жестокому обращению внутри семьи⁷⁹. Что ещё из тех фактов тёмного и ужасающего средневековья мы не сказали о современном Китае? Остался ещё бесчеловечный обычай продажи девушек. Читатель, наверное, уже ужаснулся, но да, и этот обычай процветает в современном Китае. Так как в преступном мире не принято публично обнародовать статистику о продажах людей, мы можем лишь предположить эту цифру, учитывая, что в 2000 году в рамках официальных операций властями было освобождено 110 тысяч женщин и 13 тысяч детей⁸⁰.

---

⁷⁹<http://www.epochtimes.ru/content/view/35369/9/>.

⁸⁰Lonely planet. China. Austarlia, 2002.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что китайская культура максимально крепко и глубоко вшита в сознание людей. До тех пор пока партия не решит изменить эту ситуацию, все законы, сталкивающиеся со стеной из традиций, поведенческих и мыслительных стереотипов, будут неэффективны. Впрочем, есть основа-

ния полагать, что китайские власти намеренно воспроизводят традиционную культуру, используя её как своего рода клетку для сознания, ограничивающую развитие личности. Они всячески препятствуют получению людьми информации, которая могла бы подвергнуть сомнению культуру, действия правящей партии или социальное устройство в целом. Однако это не может длиться вечно, так как китайцы находят всё новые и новые способы преодолевать барьеры и получать информацию. Навязываемые культурой и государством представления вступают в неразрешимые противоречия. И если партия не сделает шаг навстречу новому миру, то однажды ли семьи перестанет осуществляться, а следом пошатнётся порядок во всей Поднебесной.

Глава 3

Средневековые взгляды в современном мире

Семья и клан

Мы уже познакомили читателя с некоторыми аспектами морального сознания китай-

цев, однако пока ещё осталось неясным, что движет ими в повседневной жизни. В этой главе мы расскажем, как древняя культура влияет на современное повседневное поведение жителей Поднебесной, и как старые традиции, на короткое время ушедшие в энциклопедии, снова возвращаются к жизни.

Определяющими поведение китайца концептами являются «семья», «выгода» и «стыд». Из их переплетения вытекают такие феномены как гуанси, мянцзы, жэньцин и другие. Семья в традиционной китайской культуре играла первостепенную роль в жизни индивида. Ни один поступок не мог рассматриваться вне его взаимосвязи с семьёй, жизнь любого китайца была подчинена мысли о её интересах. Подобная диктатура семьи была достигнута государством с помощью конфуцианских идей, в частности куль-

та предков и культа сего, о которых уже говорилось в предыдущих главах. Эти же идеи создали патриархальное устройство семьи (о месте женщины читатель уже осведомлён из второй главы). Отец семейства обладал широкими полномочиями, всё имущество в доме принадлежало ему, и дети не могли рассчитывать на владение своей частью наследства, пока он не умрёт. Каждый член семьи, начиная от детей и заканчивая их служанками, должен был делать что-то полезное для семьи, увеличивать её богатство. То есть, даже если сыновья отца что-то зарабатывали и приобретали, отец мог распоряжаться их имуществом. Подобные традиции сформировали соответствующую организацию семьи. До смерти отца-патриарха все его дети должны были жить с ним под одной крышей вместе со своими жёнами, детьми, слугами и

т.д. Поэтому в дореволюционном Китае жить большой семьёй, если средства позволяли содержать дом, было нормой⁸¹.

С приходом коммунистов эту традицию пытались уничтожить. Жить с родителями под одной крышей запрещалось, в целом, на первых парах революции государство всячески старалось снизить значимость семьи для китайцев, чтобы поставить на её место партию. В частности, нельзя было проводить много времени с мужем/женой и детьми, тем более с кем-то из старших родственников — за это могли подвергнуть критике за буржуазные ценности. Однако после смерти Мао Цзэдуна руководящие чиновники стали менять политику партии в отношении семьи, потому что уже была очевидна несостоятель-

---

⁸¹Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Востлит, 2001

ность программы Мао, обещающей обеспечить пенсионеров всем необходимым за счёт государства. Китайские власти реабилитировали традицию жить с родителями под одной крышей и в Законе о браке 2001 года прописали обязанность китайцев заботиться о своих родителях, а последних в свою очередь помогать младшему поколению с воспитанием детей⁸². Теперь молодые китайцы живут со своими родителями хотя бы до свадьбы, но, как правило, молодые семьи продолжают и после бракосочетания жить с одним из родителей.

Традиционная патриархальная семья структурировалась вокруг фигуры отца. Но что происходило после его смерти? Если традиции в семье были не так сильны, то сыновья делили имущество и начинали жить

---

⁸²Новая редакция закона КНР о браке. О. Почагина//»Проблемы Дальнего Востока», 2002, №3, с. 22–33.

отдельно, каждый став патриархом своего семейства. В семьях с сильными традициями сыновья признавали власть и авторитет старшего из братьев и продолжали поддерживать единство семьи, выполняя под руководством нового патриарха религиозные обряды в родовом храме и т.д. Так рождались кланы. В одном доме проживали дети, внуки, правнуки, дальние обедневшие родственники, попросившиеся в члены семьи в качестве помощников-слуг, и многие другие люди, связанные с кланом кровными отношениями. Семья могла насчитывать несколько десятков человек, обладала большим хозяйством и была реальной политической и экономической силой, подчас контролировавшей всю деревню. Спустя несколько поколений клан разрастался, но продолжал функционировать как единое целое. Все

многочисленные члены клана регулярно собирались вместе, чтобы принять участие в ритуалах, посвящённых культу предков, самым почитаемым из которых был основатель клана⁸³. В современном Китае память и уважение к предкам семьи проявляется даже в обыденных разговорах. Например, в ответ на вопрос «откуда ты родом?» китаец назовёт не место своего рождения и воспитания, а место, откуда его род ведёт свою историю, даже если он сам там ни разу не был. Как в случае с традиционной структурой семьи коммунистическая партия пыталась уничтожить и кланы, однако уже в конце 1970-х — начале 1980-х годов они начали возрождаться. В некоторых районах Китая клановые структуры восстановлены

---

⁸³Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Востлит, 2001.

в двух третях деревень. Семьи снова стали вести клановые хроники, в которых записываются все новые члены и важные события из жизни. Пока ещё кланы не приняли классической формы с клановым имуществом, сводом формальных норм поведения, правилом наследования членства и т.д. Однако уже сейчас глава клана обладает большей властью, чем глава местных государственных органов управления, а клановые суды — большим авторитетом и доверием в глазах народа, чем государственные. Клановые являются не просто формальным образованием, а играют большую роль в жизни многих китайцев. В сельской местности часто возникают конфликты между кланами, что нередко приводит к преступлениям. До 70% всех рассматриваемых в сельских судах дел связаны с клановыми «разборками», и около

25% убийств мотивированы кровной местью. Клановые организации, как и прежде, исполняют все религиозные обряды, связанные с культом предков, организуют похороны членов клана, устраивают праздники, и следят за должным поведением своих родственников⁸⁴. В дореволюционном Китае клановое родство было основой государства. Как знатные люди, так и простые — почти все были членами того или иного клана. Отец каждого семейства был правителем для своих домочадцев, однако он подчинялся вышестоящему в клановой иерархии, а тот в свою очередь следующему и так до патриарха. Длина иерархической цепочки зависела от величины клана, но соблюдение

---

⁸⁴Тертицкий К.М. Традиционная система ценностей у современных китайцев (конец 1970-ых – 1980-ые гг.). Автореферат. М., 1992.

субординации между её членами было для всех главной обязанностью. Для индивида клан был не просто посредником в коммуникации с социумом и государством, он был его частью. По этой причине в своих поступках человек всегда оглядывался, не повредит ли это его клану: он не видел себя вне этой семейной организации, и главной целью было сделать свой клан богаче и сильнее. Однако такое поведение не было продиктовано любовью к клану. Клан был прообразом государства, и каждый шаг индивида сопровождался нормами, продиктованными его иерархической структурой. Отступление от принятого поведения могло повлечь за собой неприятные последствия, даже наказание. Если же поведение индивида выходило за рамки отношений внутри клана, то его неправильное поведение могло навлечь позор

на семью или весь клан. В связи с этим для китайцев всегда было важно, что о них подумают другие люди, как их поступки выглядят со стороны. Конфуций говорил, что поступки должны быть такими, чтобы оглядываясь назад, человек не испытывал за них стыд⁸⁵. Именно с этим и связаны такие понятия как «гуанси», «мянцзы» и «жэньцин». Все эти понятия до сих пор являются частью жизни большинства китайцев, они определяют поступки и мысли.

Гуанси, мянцзы и жэньцин

Понятие «мянцзы» переводится на русский как «лицо». Очень часто этот феномен

---

⁸⁵ Лунь Юй, V, 26//Конфуций. Лунь Юй. Пер. Переломова Л.С. М.: Восточная литература, 2001.

описывают не совсем верно, и может сложиться представление, что «лицо» — это то мнение, которое сложилось вокруг человека в окружающей его социальной группе. Да, действительно, «лицо» складывается за счёт проявления соответствующего отношения со стороны окружающих людей, которые дают индивиду понять, что они одобряют его поступки и высказывания, что он ведёт себя в соответствии со всеми правилами ведения игры в китайском социуме. Однако, «лицо» также имеет привязку и к внутреннему миру индивида. «Лицо» — это его самоощущение, связанное с социальным окружением, подтверждающим социальный статус индивида, выражающим свою уверенность в его внутренних качествах. «Лицо» представляет собой один из слоёв самосознания личности (превалирующий слой, в случае китайцев).

«Потеря лица» может нести для жизни индивида ужасающие последствия. Тем не менее, нами выделяются определённые степени этого несчастья: можно чуть-чуть «потерять лицо», а можно «потерять лицо» по-серьёзному, когда впоследствии долгие годы придётся мучительно-медленно восстанавливать к себе доверие. Поводом для небольшого конфуза может послужить всё, что угодно: продавец публично усомнился в твоей честности, или ты усомнился в его; плохое выступление в школе/университете/на собрании организации; публичная критика с чьей-то стороны, особенно, если критикующий стоит ниже в социальной иерархии и др. Для настоящей катастрофы таких мелочей недостаточно, она может быть связана с профессиональной деятельностью, а может и с личной: сотрудник провалил проект для компании; ком-

пания не сдержала слово и не смогла выполнить заказ/выполнила его плохо; жена изменила, а об этом узнали вне семьи; раскрылось, что мужчина гомосексуалист — причиной может быть что угодно, всего не перечислить. Главным критерием является степень несоответствия социальным нормам.

«Потеря лица» может переживаться китайцем как внутренняя трагедия, и до сих пор такие терзания иногда оборачиваются самоубийством. Часто это связано с тем, что таким образом индивид пытается спасти «лицо» клана или семьи. Серьёзная «потеря лица» создаёт вокруг индивида социальную пустоту. Все накопленные знакомства и связи в один момент обрываются, партнёры перестают уважать и доверять — на какое-то время индивид не может нормально функционировать как социальная единица. По этой

причине для китайцев до сих пор так важно вести себя в соответствии с нормами и соблюдать правила — мало кто хочет «оказаться на обочине». Превыше всего в жизни китайцы ставят материальное богатство, поэтому сохранить «лицо» стараются всеми силами, чтобы не навредить процветанию семьи. Для процветания семьи и увеличения богатства не достаточно просто быть человеком с «лицом», необходимы также связи. Из-за этого в Китае была и до сих пор широко распространена практика «гуанси». Гуанси дословно переводится как «связи». Гуанси означают личную сеть знакомств и контактов индивида, которые могут быть ему полезны для решения каких-либо проблем. Это база тех людей, к которым можно обратиться за оказанием услуги, в свою очередь они также могут обратиться за чем-то к тебе. Также,

гуанси употребляется для обозначения типа отношений с тем или иным лицом. В социалистическом Китае без гуанси было невозможно жить, оно имело такой же характер, как и советский «блат». Гуанси использовались, чтобы купить труднодоступные товары, устроить ребёнка в «ключевую» школу⁸⁶, гарантировать поступление в университет или на определённую работу, попасть на приём к хорошему врачу, решать сложности бюрократического характера и т.д. Человек, воспользовавшийся гуанси, обязательно должен был отблагодарить за оказанную помощь. Однако это редко выражалось в денежной форме,

---

⁸⁶ В Китае школы делились на ключевые и обычные. В ключевых работали лучшие учителя, было лучшее питание, и как правило попасть в неё было очень сложно, большая часть учеников были детьми партийных работников.

суть была в том, что оказавший услугу таким образом гарантировал себе, что человек, которому он помог, всегда будет помнить об этой помощи при возможности обязательно отблагодарит и сам поможет решить какие-то проблемы. Помощь оказывалась для поддержания отношений внутри своей сети гуанси.

У любого человека возникает вопрос: как кто-то мог достичь таких взаимоотношений с людьми, что можно было обратиться за помощью практически в любом случае? Здесь возникает «жэнцинъ», что можно перевести дословно как «человеческие чувства». Жэнцинъ при этом не означает такие чувства как любовь или ненависть, правильней сказать, что это понятие вообще не означает чувств. Термин «жэнцинъ» используется для обозначения отношений между одним человеком и другим. В русской культуре в таких случа-

ях обычно говорят: «Он ко мне хорошо относится, мне нужно поддерживать с ним хорошие отношения». «Хорошее отношение» и означает жэнцинь. Отношение китайца к людям лишь изредка продиктовано эмоциями, как правило, во главе стоит «лицо» и «выгода». Если нарушение «хороших отношений» с кем-либо может принести вред семье, то китаец будет делать всё, чтобы поддерживать жэнцинь, например, на все праздники дарить таким людям подарки. Категория людей, с которыми нужно поддерживать жэнцинь, включает в себя очень многих: соседи, школьные учителя своих детей, коллеги по работе и т.д. Со всеми нужно вежливо обходиться. Жэнцинь не всегда могут принести выгоду, однако их отсутствие может привести к «потере лица», и, следовательно, к ущербу. На самом деле, жэнцинь выполняет функцию

регулятора межличностных отношений. Если один китаец отнёсся ко второму хорошо, поздравил его с праздником или поддержал в какой-то ситуации, то второй китаец будет чувствовать себя должным, он будет должен жэнцинь. В свою очередь, чтобы не «потерять лицо», он обязательно выразит свою благодарность. Совершая какой-то поступок по отношению к другому человеку, китайцы всегда ожидают, что со стороны этого человека будет ответное действие. Отличить поступок, совершённый в корыстных целях, от поступка, мотивированного искренним желанием помочь, — невозможно. Жэнцинь так же переплетаются с феноменом гуанси. Со всеми людьми, представляющими для индивида важный контакт, он будет поддерживать жэнцинь.

В жизни современных китайцев жэнцинь

и гуанси продолжают играть большую роль. Эти категории структурируют не только отношения с окружающими людьми, но и отношения внутри семьи и клана. Именно по этой причине, в Китае всегда было принято кумовство. Клановая структура общества обязывала человека всегда оглядываться на свои поступки, опасаясь «потери лица» и считаясь с интересами клана. На современных китайских предприятиях родственники составляют от 30% до 70% всех работников⁸⁷. Человек, работающий руководителем в компании, не может отказать родственнику, даже если он объективно не подходит на должность. В крайнем случае он должен подобрать ему альтернативную работу, иначе нарушит социальный

---

⁸⁷ Тертицкий К.М. Традиционная система ценностей у современных китайцев (конец 1970-ых – 1980-ые гг.). Автореферат. М., 1992, с. 17.

порядок. Человек не может руководствоваться своими мыслями и суждениями и делать нечто, что может повлечь за собой проблемы для имиджа семьи или клана.

Если член семьи работал чиновником, то он всегда помогал своим родственникам. Степень проникновения этой традиции хорошо отражена в пословице: «Когда человек приходит к власти, его куры и собаки возносятся на небо»⁸⁸. Чтобы читатель представил себе весь масштаб кумовства и понял, откуда берёт свои корни практика гуанси, нужно сказать о таком понятии как «тенедательство». Дело в том, что китайский дореволюционный закон давал чиновникам определённые привилегии. Размер привилегий определялся величиной «тени». Например, если кто-то из

---

⁸⁸Чжан Ю. Дикие лебеди: Три дочери Китая. СПб., 2008, с. 223.

родственников чиновника подлежал наказанию, то наказание сокращалось на несколько пунктов в зависимости от занимаемой чиновником должности и от степени родства наказуемого с ним. Чем выше положение чиновника, тем больше и сильнее у него «тень».

Революции не удалось избавить культуру и сознание китайцев от этих пережитков, поэтому практика гуанси получила широкое распространение. В современном Китае такой категории как «труднодоступный товар» больше нет, но гуанси остались: они функционируют в первую очередь в сфере пересечения бизнеса и государства, аналогично понятию «коррупция». Однако взяточничество не считается постыдным. Чиновник бы наоборот «потерял лицо», если бы не помог кому-то из своих родственников или человеку в рамках гуанси уладить сложности во взаимодей-

ствии с бюрократией. Ведь главным объектом моральных суждений выступают взаимоотношения между людьми, а не какие-то абстрактные поступки. Что такое «украсть», если об этом никто не узнает?

Китаец перед совершением любого поступка должен подумать, не будет ли ему после стыдно и не навлечёт ли он своими действиями позор на семью, не потеряет ли он лицо. Из-за этого китайцы часто выглядят очень скромными и стеснительными. Многие традиции продолжают существовать, потому что одни боятся, что «потеряют лицо», если в их окружении узнают о том, что они нарушили традицию. При этом другие представители той же социальной группы могут соблюдать традиции ровно по той же причине, что боятся выставить себя в дурном свете, даже если они сами не видят смысла в этих тра-

дициях. В итоге получается, что многие никому не нужные обычаи продолжают влиять на жизнь китайцев.

Китайцы руководствуются в своих поступках «лицом», «личиной», им важно, что о них подумают люди, при этом, если для «сохранения лица» необходимо раздавить дочке ноги, они не бунтуют против традиции, а свято её соблюдают. Мысли и поступки определяются внешними факторами, а черта между добром и злом проводится исходя из социальной конвенции. По мере чтения данной книги, у читателя наверняка не раз возникал вопрос о том, что чувствует китаец, когда продаёт свою дочь за чашку риса, или калечит её, чтобы повыгоднее выдать замуж; что он чувствует, когда ему приходится делать что-то в интересах семьи или клана, даже если он не хочет этого? Какая личность формирует-

ся в таких социокультурных условиях? И какое мировоззрение усваивает индивид, чтобы нормально функционировать в таком мире? На все эти вопросы мы ответим в следующей главе.

Глава 4

Отчуждение субъекта

Предыдущие три главы ясно дали понять читателю, что китайцы отличаются от европейцев не только тем, что едят палочками. Однако, описанные ужасы никак не увязываются с понятием «человек», как его понимает среднестатистический представитель европейской культуры. Сложно себе представить,

что нормальная личность может так смотреть на мир и совершать такие действия. В этой главе мы расскажем, что же происходит при этом с внутренним миром китайцев и что лежит в основе их мировоззрения.

Воспитание и социализация

Социум и культура в Китае устроены таким образом, что они подавляют развитие человека как личности⁸⁹. В дореволюционном Китае мальчиков и девочек до семи лет воспитывали совместно, однако затем их разделяли, и они уже не могли вместе играть, принимать пищу и даже сидеть рядом. С этого

---

⁸⁹Под личностью мы понимаем индивида, которого характеризуют такие слова как «сознательность», «произвольность», «инициативность», «ответственность» и т.д.

времени они более никогда не могли общаться как брат и сестра. Девочек начинали готовить к замужеству. Их сознание адаптировали к тому, чтобы они могли существовать в мире, где права имеют только мужчины, а женщины всегда остаются в статусе «недочеловека». Будучи взрослыми, ни те, ни другие не думали ни о каких правах, так как сознание диктовало им такое восприятие реальности, где социальное устройство могло быть таким и только таким. Мальчиков родители всегда старались отдать в школу, поэтому с семи лет им нанимали учителя для освоения конфуцианских книг. Помимо книжной премудрости, они должны были постигнуть конфуцианские нормы поведения. Учитель становился важной фигурой в жизни ребёнка, ведь его задачей было подготовить мальчика к социальному существованию. Он мог наказывать его

и делать всё, что требовалось для усвоения необходимых знаний. Каждое своё действие и суждение мальчик должен был соотносить с тем, что говорит учитель. Ученику приходилось подтверждать на практике, что он постиг конфуцианское учение, то есть беспрекословно подчиняться старшим и выражать им своё почтение. Это проявлялось не просто в вежливом и уважительном обращении к старшим — мальчик должен был соблюдать множество формальностей. В присутствии старшего он не должен громко разговаривать, тем более кричать, отвлекаться на посторонние вещи, смотреть на старшего, когда тот говорил, он даже не мог сидеть с ним на одной циновке. Если старший спрашивал его о чём-то, он должен был отвечать на вопрос, упоминая о своей некомпетентности судить об этом, и униженно кланяться. Если старший

окликнул младшего, тот должен был встать и почтительно подойти к нему⁹⁰. (Перечисление всех формальных правил, соблюдение которых требовалось от ребёнка, займёт много страниц. К тому же, это не требуется, так как суть заключается в том, что ребёнок должен был подавлять в себе свои эмоции и порывы и вести себя в соответствии с ритуалом.

Дети обоих полов в возрасте шести-семи лет переставали быть детьми, они должны были соблюдать все те же нормы поведения, которые соблюдают взрослые, подражать взрослым, следовать почти всем тем же обычаям и традициям. Таким образом, мировосприятие, навязываемое конфуцианством, с иерархиями, формальностями, подавлением эмоций и т.д., усваивалось детьми через

---

⁹⁰Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Востлит, 2001, с.144.

действия. Исполнение всех норм поведения формировало строго определённые представления о реальности.

Если же ребёнок проявлял самостоятельность, не выполнял нормы поведения, то отец наказывал его. Непокорность ребёнка всячески подавлялась, он должен был беспрекословно подчиняться воле старшего, а тем более отца, всегда считавшегося полноправным хозяином в семье. Дети подвергались ежедневному насилию над своей волей, они должны были поступать в соответствии с правилами. Главными правилами для ребёнка становились тотальное послушание старшему и сокрытие своих настоящих мыслей и чувств, каждое действие нужно было продумать с точки зрения его соответствия конфуцианским нормам. Такое воспитание подавляло в детях развитие личности, они вырастали

пассивными, покорными и холодными в эмоциональном плане.

В современном Китае родители продолжают воспитывать детей в соответствии с традициями. В детях воспитывается пиетет перед старшими, покорность и тотальное послушание. Родители уже не так часто подвергают их физическим наказаниям, однако это до сих пор не является чем-то из ряда вон выходящим, ведь поступки ребёнка не должны выходить за рамки «правильного поведения», чтобы он не навлёк на семью позор. В школах дети подвергаются обработке, чтобы к выходу они усвоили ценностные представления, во многом схожие с традиционными: индивид интегрирован в группу и подчиняется её нормам, члены группы связаны взаимными обязательствами; в межличностных отношениях следует избегать конфликтов и

идти на уступки, поведение должно соответствовать установленным нормам; нужно проявлять заботу о детях и стариках; нужно почитать старших; нужно быть трудолюбивым и экономным; нужно преодолевать частные интересы ради общего блага⁹¹.

В детях, как и прежде, подавляется самостоятельность в суждениях и поступках, они должны так же ориентироваться на внешние факторы и подавлять внутренние порывы. В них формируют понятие о долге перед семьёй и страх «потерять лицо», то есть по сути дети руководствуются в своих поступках видоизменёнными древними нормами.

---

⁹¹Тертицкий К.М. Социокультурные характеристики индивида в системе китайской цивилизации. М.: ИНИОН РАН, 1992, с.21.

Иерархизированность общества

Как уже упоминалось в тексте, в дореволюционном Китае социум был устроен согласно ранговоиерархическому порядку. Конфуцианцы считали, что общество делится на верхи и низы, на народ и управителей, и для поддержания стабильности, каждый должен соблюдать свои права и обязанности, определённые социально-политическим неравенством. Правила ли детально расписывали все нормы и формальности, которыми в своём поведении должны были руководствоваться индивиды одних социальных групп при взаимодействии с индивидами из других. Было расписано, кто кому сколько раз должен поклониться при встрече, как должен обращаться и вести диалог. Например, нельзя бы-

ло перечить человеку, занимавшему более высокое положение и отказать в его просьбе. Главной целью всех норм было подчеркнуть неравенство между людьми. Подобный порядок не мог бы поддерживаться без принуждения, если бы с детства китайцы не были приучены к покорности и послушанию. К людям, занимавшим более высокое положение в обществе, нужно было относиться как к старшим родственникам. Социальные иерархии уподоблялись семейным, таким образом поведение в социуме так же подчинялось принципу сяо⁹². Именно этим и объясняется тот факт, что конфуцианство было принято как официальная идеология и насаждалось государством всеми способами.

«Мало людей, которые, будучи почтитель-

---

⁹²Принцип сыновней почтительности, подробнее см. глава 1.

ными к родителям и уважительными к старшим братьям, любят выступать против вышестоящих. Совсем нет людей, которые не любят выступать против вышестоящих, но любят сеять смуту»⁹³.

Отношения в семье были основаны на безволии, послушании и покорности. Подавляемая с детства личность была приучена к иерархиям и неравенству в семье, поэтому воспринимала естественным, что отношения и со всеми другими членами социума построены на тех же основаниях.

Коммунисты в своей агитации, в том числе, опирались на обещание отменить рангово-иерархическую структуру общества и социально-политическое неравенство. Это было вызвано необходимостью привлечь к

---

⁹³ Лунь Юй, I, 2//Конфуций. Лунь Юй. Пер. Переломова Л.С. М.: Восточная литература, 2001.

своему движению как можно больше последователей, а также найти новых талантливых строителей революции. На протяжении приблизительно 30 лет, то есть от начала революционной борьбы и до начала культурной революции, коммунисты действительно следовали этому обещанию в своей деятельности. Любой китаец мог добиться высокой чиновничьей должности, начав с низов подпольной организации, если обладал необходимыми для работы качествами. Однако, влив в различные социальные группы достаточное количество новой крови, Мао повернул вспять, чтобы использовать традиционные стереотипы китайского сознания для лучшего управления народом. После недолгого перерыва Китай при Мао вновь оказался основан на социально-политическом неравенстве. Выйти за жёсткие границы той или иной

сословной категории было очень сложно. Социальное происхождение определяло карьеру, а традиционные представления снова стали влиять на взаимоотношения между людьми из разных социальных групп. Ранговое иерархические различия были закреплены в 1953 году с принятием системы разрядов госслужащих. Все чиновники и работники государственных предприятий (а других предприятий в то время практически не было) подразделялись на 26 разрядов. Помимо разницы в зарплате, система определяла множество мелочей: из какой ткани человек носит одежду; какого у него размера жильё и какие удобства в нём есть (туалет и ванная полагались не всем); каким транспортом он может пользоваться и т. д.⁹⁴.

---

⁹⁴ Чжан Ю. Дикая лебеди: Три дочери Китая. СПб., 2008, с.224.

В современном Китае сохранились мало подобных правил, однако классовость общества никуда не исчезла. Сохранению социально-политического неравенства способствует государственная политика. Так, образование после 9-го класса школы является платным, и бедные слои населения не отдадут своих детей в старшие классы школы, а тем более в университет. Даже для того, чтобы работать в булочной, нужно закончить соответствующее специальное образование, для которого нужны деньги. Получается, что ребёнок крестьянина или бедного рабочего никогда не сможет продвинуться вверх по социальной лестнице. Современные китайцы так же, как и прежде живут в соответствии с восприятием социальной реальности сквозь призму иерархий и неравенства. Когда группа людей входит в здание или лифт, одни

должны пропустить вперёд других, занимающих более высокое социальное положение; в ресторане сперва обслуживают более старшего мужчину и затем всех по порядку понижения возраста, самой последней обслуживают наиболее молодую женщину — подобных примеров можно привести множество. Жизнь согласно иерархиям привносит дополнительные изменения во внутренний мир индивида, ведь он, с одной стороны, всегда является подчинённым, и должен быть покорным и послушным, а с другой стороны, для кого-то нижестоящего является начальником и обладает реальной властью. Мы видим, что с самого детства и на протяжении всей своей жизни внутренний мир китайцев постоянно подвергается атакам со стороны культуры и традиций, китайцы должны постоянно подчиняться и приказывать, они всегда долж-

ны помнить о правилах в отношениях между младшими и старшими, над каждым шагом китайца довлеет долг перед семьёй и страх её опозорить. Китайцы не развиваются, их сознание остаётся близко к дореволюционному уровню. Возникает вопрос, если китайцам так плохо, то почему они продолжают терпеть угнетение своего сознания древней культурой и пропагандой? Об этом мы расскажем читателю далее.

Мировоззрение и индивид

Как уже было сказано выше, сознание китайцев не развивалось до уровня сознания личности. Мировоззрение, усваиваемое индивидом с детства, не включало в себя такого понятия. В европейской культуре кон-

цепт «личность» как форма самосознания индивида получила широкое распространение только в 17 веке. Людям, осознававшим себя как личность, был свойствен иной взгляд на мир. Они воспринимали своё существование обособленно от всего мира, чувствовали свою выделенность из природы, обособленность от других людей, ответственность за свои действия. Человек стал осознавать себя как «Я», как значимую единицу саму по себе. Становление личности в европейской культуре происходило вместе со становлением субъекта.

Подобное представление о человеке не могло родиться в традиционной китайской культуре. Китаец должен был соблюдать рангово-иерархический порядок, всегда соглашаться со старшими (считалось нарушением принципа сяо сказать старшему о том, что он в чём-то не разбирается, даже если его

суждение объективно не соответствовало истине), выражать им своё почтение и быть почтительным. Индивид не должен был проводить границу между личным и общественным, не было ничего, что он имел право скрыть от «Другого» (ведь даже интимные вопросы обсуждались на больших семейных собраниях). Для исправного функционирования подобного порядка было необходимо, чтобы человек не чувствовал себя обособленным от других, не чувствовал, что он сам по себе обладает каким-то значением, не имел своих мыслей, желаний и чувств.

Общество и культура были насквозь авторитарными, не было ни одной области, где бы не было подавления воли одного из участников межличностного взаимодействия. Психика человека устроена так, чтобы справляться с нагрузкой, и не давать сбой. По

этой причине когда с раннего детства ребёнок подвергался насилию, сопротивление и ненависть, возникавшие в нём, через какое-то время должны были трансформироваться, в противном случае, нервная система могла не выдержать. Для того, чтобы блокировать эмоции ненависти и злости, психика включала программу тотального безразличия к происходящему, что выражалось в пассивности и покорности ребёнка. Человек утрачивал свою субъектность, так и не приобретя её. При столкновении с подавляющей волей «Другого» в человеке не возникало противодействия. При взаимодействии одного индивида с другим не происходило взаимодействия между личностями, так как никаких личностей и субъектов в этом процессе не участвовало, оставались лишь психические оболочки.

Вследствие того, что у китайца не было са-

мосознания как личности, все свои действия и мысли он не рассматривал самих по себе. Из-за этого в Китае этика не сформировалась как самостоятельная дисциплина. Этические размышления не касались абсолютных моральных категорий, их предметом были отношения людей друг с другом, семьёй и государством. Некоторые исследователи китайской культуры считают, что, отсутствие этики компенсировалось «моральной теорией человеческих действий», ведь каждое действие китайца было проникнуто этико-религиозной составляющей. Однако, всё дело в том, что тотальная этизированность китайской культуры не формировала морального субъекта. Индивид не функционировал как моральный субъект, любое его действие, выглядевшее моральным, являлось стереотипизированным поведением, а потому моральным считаться

не может. Моральное действие, о котором говорят китайские мыслители, не означает никакой морали, человек не руководствовался своими представлениями о добре и зле, а следовал правилу.

Китайцы не воспринимали мир дифференцировано, всё было единым — природа, общество и человек. Поступок одного человека мог повлиять на всё общество или универсум. Именно здесь и кроется истинный смысл моральных теорий. Термин «моральное действие» состоит из двух слов: «моральное» и «действие». Слово «действие» буквально с китайского языка будет переводиться как «действие», «поведение» (xingwei, 行爲). Однако изначальный смысл термина «моральное» слабо соотносится с его пониманием в европейской культуре. В китайском оригинале употребляются иероглифы (daode, 道徳).

Эти же иероглифы употребляются в названии книги «Дао Дэ Цзин». На русский язык словом «моральное» перевели сочетание двух иероглифов, лежащих в основе всего китайского мировоззрения. «Дао» буквально переводится как «путь», а «дэ» — «благодать». Из этого следует, что понятие «моральное действие» очень глубоко связано с представлениями китайцев об устройстве мира, а не просто с этикой.

Согласно китайской картине мира, человек не имеет значение вне социума и государства. Проявить своё значение, мысли и вообще обозначить своё существование он мог только в рамках клана, сообщества или государства. Свои интересы и волю необходимо было подавлять для осуществления общих интересов (семьи/клана/сообщества/государства). Обяза-

тельства человека перед обществом превышали его права, так как общество и совокупность людей считались важнее индивида. Важной специфической чертой были представления о подобности семьи и государства, о чём уже говорилось выше. Отношения в семье имели политический оттенок: отец — полновластный правитель, а все остальные члены семьи — покорные подданные. В то же самое время отношения в социуме и отношения индивида с государством так же имели оттенок родственных отношений⁹⁵.

Мировоззрению китайцев в целом было свойственно не разделять вещи и явления. Среди характеристик явлений выделялись структура и функция, но не составляющие

---

⁹⁵Тертицкий К.М. Социокультурные характеристики индивида в системе китайской цивилизации. М.: ИНИОН РАН, 1992

элементы. Мир и индивид рассматривались как единое целое.

Конфуцианство и даосизм своими истоками имели традиционные китайские представления, формировавшиеся на протяжении тысячелетий. В даосизме представления о естественном устройстве мироздания предполагали необходимость достижения гармонии «небесного дао» и «человеческого дао». Чтобы достичь этой гармонии, человек должен был забыть своё я и вверить себя Дао. В конфуцианстве Небо, Земля и Человек представляли собой единство, которое лежало в основе мироздания, человек должен был поклоняться Небу и следовать его воле⁹⁶.

Традиционное китайское мышление не выделяло человека из природы, природа с об-

---

⁹⁶ Там же.

ществом не противопоставлялись друг другу, они представляли собой единое целое. Человек не просто предполагал некое высшее структурирующее начало, для него это было фактом, с которым он соизмерял свои поступки и мысли. По этой причине размышления о человеке принимали характер не размышлений о его поступках, мыслях самих по себе, а о том, какими они должны быть, чтобы поддерживать высший порядок. Отсюда и получается, что «моральное действие» направлено на воспроизводство предустановленной гармонии, поддержание единства Неба, Земли и Человека.

Тем не менее, у читателя не должно сложиться представление, что каждый шаг китайца сопровождался мыслью о высшем начале и мироздании. Отнюдь, китайцы ежедневно повторяли все ритуалы, жили и ду-

мали согласно программе, заложенной в них. В этой главе мы хотели показать, что китайская культура издревле имела предпосылки к авторитаризму. Лишение индивидов совести, подавление их субъектности не было только лишь решением политическим. В Китае более, чем где-либо, культура, религия и политика переплетались в неразделимое целое, и размотать это клубок не является такой уж простой задачей. Нам удалось показать, что в основе рангово-иерархического общественно-го порядка, пронизанного насилием, и спровоцировавшего отчуждение китайцами своей субъектности, лежит весь комплекс их представлений о мире.

***

Вторая часть нашей книги подошла к концу. Читатель узнал о представлениях китай-

цев об устройстве социума; о добре и зле; об отношении в Китае к женщинам; о подавлении развития личности и лишения китайцев совести и о многом другом.

Мы хотели показать читателю, что сознание современного китайца, со всеми его противоречиями и странностями, основано на традиционной культуре, и сложилось не за один век, а на протяжении более 3000 лет. Какое бы отношение не сложилось у читателя к китайцам после прочтения этого раздела, он должен понимать, что простому человеку не под силу освободиться от дошедших до автоматизма стереотипов, в особенности, когда их сохранению способствует государство.

Часть III

Во всём виноват
ЯЗЫК

Глава 1

Миф о Первокитайце или история письма

Практически обо всём в мире существует мифы, особенно если предмету или явлению насчитывается много тысяч лет. Так в китайской традиции миф существует даже о создании письма. Он гласит, что при дворе вели-

Миф о ПервокитаЙце или ист. письма 235

кого Хуан Ди некий Цан Цзе служил историгрофом. Как-то раз, прогуливаясь вдоль берега реки, он увидел следы птиц на песке. Рассматривая их, он вдруг понял, что создавая графический знак, не обязательно рисовать сам предмет, вполне достаточно условного знака. Согласно мифу, графические знаки, придуманные Цан Цзе, получились очень условными зарисовками предмета и потому получили название «вэнь» — изображение, орнамент⁹⁷.

Так об этом рассказывает миф, а археологи придерживаются результатов своих исследований. Они показывают, что история китайской письменности начинается с насечек на керамических сосудах, которые изготовлялись во всех неолитических культурах Китая.

---

⁹⁷ Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. 2007.

Особое место среди них занимают те, что относятся к культуре Давэнькоу. Насечки этой культуры были более сложны по своему строению и представляли собой рисунки, очень похожие на оригинальные предметы. По всей видимости, именно от них ведёт своё начало гадательное письмо иньского периода. В начале прошлого века военный министр Ван Ижун обнаружил этот тип письма на прилавках аптек. Ему показались странными так называемые «кости дракона», на которых содержались неизвестные знаки. Проведя исследование, он установил, что «чудо лекарство» добывается в уезде Аньян. Эти кости там часто находили крестьяне при сельскохозяйственной обработке своих земель. Кости были крупного размера и не соответствовали ни одному живущему в том регионе животному, поэтому суеверное население было убеж-

Миф о Первокитайце или ист. письма 237

дено, что это останки когда-то живших там драконов. Кости обычно сбрасывались в колодец, где по приданиям обитают драконы, а некоторая их часть попадала к торговцам, развозившим их по аптекам ближайших провинций. Важность этих находок была оценена немногими, но теми, кто это сделал, было собрано достаточно материалов, чтобы начать изучать изображённые на них знаки. Первые результаты показали, что это письмо последних столетий шанской династии.

Письмо в этот период носило сакральный характер. Его использовали в ритуале гадания, через которое пытались выяснить у предков, что стоит делать, а что нет. Правитель Шан задавал вопрос, который выцарапывался на кости. Далее жрец нагревал её раскалённым металлическим стержнем. От перегрева возникала трещина, и уже в зависи-

мости от её формы трактовался ответ духов предков на заданный вопрос. Писец в свою очередь записывал имя правителя, дату и место проведения ритуала. Иногда записывалось, сбылось ли предсказание.

Сами знаки, используемые при гадании, уже не были примитивными насечками, а имели чётко выраженную форму, которая развивалась, подстраиваясь под потребности общества. Постепенно росло число значений, необходимых для передачи на письме, а вместе с ним увеличивалось количество графических знаков. Для того, чтобы их не путать и чётко различать между собой, к ним добавляли дополнительные элементы, что приводило к усложнению формы. Иногда добавляемый элемент присоединялся для изменения звучания всего знака, что позволяло развести между собой два схожих по написа-

нию и звучанию иероглифа. Основной способ их образования было описание. Необходимый смысл слова описывался при помощи нескольких графических знаков, которые наиболее подходили для этого по значению, образуя тем самым новый знак. Количество используемых при этом символов и их место расположения в иероглифе не было однозначно определено, поэтому внешний вид одного и того же знака мог иногда различаться.

В такой форме письменные знаки Шан были унаследованы следующей за ней династией Чжоу. Письмо перестало быть только ритуальным и вошло в повседневное употребление. Стали появляться профессии, деятельность которых была основана на владении письмом — в дальнейшем они выступали хранителями письменной традиции Китая. Постепенно поменялся материал, на ко-

тором производились различные записи: сначала им были кости и панцири черепах, затем — бронзовые сосуды и колокола, а в дальнейшем — деревянные пластинки. Такое письмо применяли в основном для того, чтобы фиксировать информацию о том, кому, что было пожаловано и за какие заслуги, а также важные исторические события. С развитием культуры и общества возникла циркуляция знаков. В большом количестве начали появляться новые иероглифы, а устаревшие — выходить из употребления. Резкое увеличение притока новых знаков спровоцировало очередной этап усложнения их формы для более точного различия при употреблении.

В период Чуньцю происходит всплеск культурной активности. Начинают появляться тексты традиционной культуры, ориентированные не на скупое описание статистиче-

ских данных давно минувших лет, а на глубокие рассуждения об окружающем мире и его устройстве. Всё это провоцирует очередной рост числа знаков письма. В следующем периоде, Чжаньго, из-за высокой военной и политической активности образовался целый ряд новых государств. Каждое из них создало свой стиль письма на основании уже имеющегося, чтобы подчеркнуть свою независимость от остальных. В это время возникло самое большое число стилей, отличающиеся между собой способом написания черт иероглифов. Все эти различия были стёрты в результате реформ императора Ши Хуанди, при котором письмо было унифицировано, а также впервые был упрощён способ написания знаков. В результате было создано два стиля: лишу и кайшу. Первый, «писцовое письмо», использовался при написании литературных текстов

и встречается в надписях на камне, шёлке и деревянных планках. Второй, кайшу, будучи «образцовым письмом», был более равномерным стилем без каких-либо излишков при письме в форме утолщений черт, его знаки имели уже чётко выраженную квадратную форму. Этот стиль письма сохранялся на протяжении всей истории страны и даже после реформы 1956–1958 гг. остался практически неизменным. Современный Китай пользуется упрощённым письмом, которое появилось после реформ, проведённых коммунистической партией. Однако остались регионы, где всё ещё используют традиционный способ начертания иероглифов — Шанхай, Гонконг, Тайвань.

В процессе развития у иероглифа сформировался ряд уникальных качеств, которые позволяют ему быть превосходным инстру-

ментом для сохранения китайской культуры и традиций. Во-первых, знаки китайского письма не зависят от прочтения. Наличие у каждого иероглифа единого «национального» чтения и множества вариантов диалектного позволяет ему быть универсальным средством общения, одинаково понятным для любого региона страны. Во-вторых, графическая избыточность иероглифического знака делает его индивидуальным, не похожим на остальные, что необходимо для системы, содержащей в себе большое число письменных символов. Их многочисленность необходима для выражения всех необходимых китайскому обществу понятий. Они передаются не как в алфавитном письме, т.е. последовательностью слогов или фонем, а через присущий только им графический образ. В-третьих, иероглиф не подвластен времени.

Он не меняет своего облика на протяжении веков, что позволяет читать тексты в независимости от того, в каком тысячелетии они были составлены. Достаточно освоить грамматику того времени — и текст будет прочитан на любом диалекте.

Фонетической особенностью китайского языка является его тональность. Каждое слово (слог) произносится с определённой тональностью — всего их выделяют четыре. Первая — ровная, звук произносится без усилий, спокойно; вторая — восходящая, интонацией похожа на удивление; третья напоминает качель, интонация сначала идёт вниз, потом поднимается вверх; наконец, четвёртая — нисходящая, как будто кто-то злится. Тональность слов позволяет китайцам обладать хорошим музыкальным слухом и чутко воспринимать звуки. Тоном обладает любая слоγο-

вая морфема в китайском языке в силу того, что каждая из них одновременно является и иероглифом, т.е. полноценным словом в языке. Соотношение слоговой морфемы и слова выглядит как 1:1, что дало право отнести китайский язык к группе изолирующих⁹⁸ языков. Кроме того, это позволило выявить ещё одну особенность — словообразование. В китайском языке не могут образовываться новые слова в процессе присоединения к имеющемуся какого-либо дополнительного элемента хотя бы в силу того, что в самом языке корень и слово — это одно и то же, а суффиксов, приставок или префиксов нет. Всё же процесс

---

⁹⁸Изолирующие языки — это языки, которые пользуются корнями как словами, не образуя сложных сочетаний с суффиксами и префиксами. В изолирующих языках слова не могут состоять из нескольких морфем.

возникновения новых слов не ограничивается актом создания иероглифов, помимо этого встречается феномен калькирования, при котором слово перенимается из иностранного языка, но его звучание передаётся специально подобранными иероглифами. Подобное явление за последние 30 лет приобрело в Китае массовый характер. Это вызвано активным проникновением иностранных культур, языков и привычек на территорию Поднебесной. Некоторые калькированные слова настолько укоренились в повседневном обиходе, что уже начали вытеснять исконные аналоги. Так, например, калька с английского слова «автобус» (bus), звучащая на китайском как «баши» (bashi), потеснило в употреблении изначальное «гунгунцичхэ» (gonggongqiche) — «общественная паровая повозка».

Неоднократно предпринимались попытки

создания и внедрения алфавитного письма в китайский язык для замены иероглифов, но все потерпели неудачу. Решить эту проблему не удавалось многим поколениям китайских лингвистов, хотя они на протяжении веков успешно справлялись с задачей трансформирования иероглифики на пути к фонетическому письму. Последним их успехом в этом направлении было создание в 1958 г. фонетического алфавита — пиньинь цзыму. В его основе лежали латинские символы, при помощи которых можно успешно записывать то, как произносятся иероглифы, дополнительно добавляя черту, указывающую на его тональность. Этот алфавит пользуется особой популярностью у иностранцев, которые записывают в нём опорные фразы, чтобы выжить в⁹⁹.

---

⁹⁹(zhongguo) — Китай (дословный перевод — «Срединное царство»).

Глава 2

Гипотеза графическо-лингви- стической относительности

Китайский язык во многом отличается от европейских, однако ключевым и первым по важности пунктом для анализа явля-

ется письменность. Китайская письменность сыграла важную роль в развитии китайской культуры и в формировании её субъекта. Мы утверждаем, что в основании многих различий между сознанием китайцев и европейцев лежат особенности структуры и принципов функционирования языковых знаков.

Любое слово имеет план содержания и план выражения. Слово может быть выражено в фонетической и графической формах. В алфавитных языках эти формы связаны между собой акустическим образом¹⁰⁰. Планом их выражения является акустический образ, который затем складывается в устной речи из фонетических знаков (звуков), а в письменной — из графических (букв). Планом содержания является смысл слова, его значе-

---

¹⁰⁰ Акустический образ — это отпечаток звучания слова в сознании.

ние. Связь между планом содержания и планом выражения является условной, значение слова не определяет его звучание и наоборот. В китайском языке слово также имеет план содержания и план выражения. Однако фонетическая и графическая формы не связаны между собой акустическим образом. В китайском языке письменным знаком является иероглиф. Зная его написание, необязательно знать его произношение. Ровно как, зная звучание какого-либо слова, можно использовать его в устной речи, не имея понятия о его написании. Планом содержания слова в китайском языке также является его значение. Однако связь между планом содержания и планом выражения имеет более сложную структуру, нежели в алфавитных языках.

В китайском языке план содержания и фонетическая форма слова также связаны меж-

ду собой условно, между тем графическая форма непосредственно определяется значением слова. Для того, чтобы понять эту взаимосвязь, давайте обратимся к Первокитайцу. Он был самым умным из своего племени и решил поделиться с потомками своими знаниями и представлениями о мире. Устная речь для этого не подходила, так как он боялся, что пройдя сквозь поколения, истинный смысл потеряется. Поэтому он решил передать их более надёжным способом, коим послужило придуманное письмо. Сперва он начал рисовать простые окружающие объекты: дерево, камень, вода, огонь, собака и т.д. Сначала изображения были сложными и громоздкими, неудобными для частого и быстрого использования. Потом Первокитаец усовершенствовал их до более простого схематичного вида. Полученные символы он

стал использовать для создания знаков более сложных понятий. Многие понятия было невозможно срисовать, поэтому Первокитаец описывал их, опираясь на свои представления. Так, следуя этому принципу, он, например, изобразил понятие «подносить», сочетав два простых знака «кувшин с вином» и «рука»¹⁰¹. Каждый письменный элемент создавался для передачи конкретного значения, отражая его индивидуальные качества. Поэтому внешний вид любого иероглифа находился в прямой зависимости от его содержания, т.е. составлялся из тех графических элементов, значения которых позволяют передать всю полноту его смысла. Формируя новый знак, Первокитаец описывал необходимый для передачи смысл, используя уже

---

¹⁰¹ Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. 2007.

созданные им простые символы. Так внешний вид знака определяется его значением. Таким образом, план содержания и графическая форма плана выражения сращены между собой.

Изменение одного из элементов иероглифа влечёт за собой придание значению слова определённых смысловых оттенков. Воспринимая иероглиф, носитель языка не раскладывает его на составляющие элементы, а воспринимает как изображение, картинку. Этот процесс не сопровождается никаким анализом. Поэтому китаец воспринимает изменённый иероглиф, а вместе с ним новые оттенки смысла. Конечно, современные китайцы при письме не изменяют иероглифы и вообще больше пишут на компьютере, однако это явление играет важную роль для понимания китайской культуры. С этим феноменом мож-

но было часто сталкиваться в поэзии и каллиграфии. Например, рассмотрим слово «тропа», «дорога». Внесение в состав графического знака ключа «змея» придаёт слову оттенок «дорога как извивающаяся змея» (то есть, извилистая дорога), ключ «гора» придаёт оттенок «сложная горная тропа»¹⁰². При этом основной смысл слова «тропа», «дорога» не меняется, он лишь приобретает оттенки. Следовательно, в процессе восприятия знака от китайца требуется некая иная работа воображения. При столкновении с подобным изменённым иероглифом китаец считывает не стандартный смысл, а дополненный, но этот смысл он считывает из-за изменения внешнего вида знака. Получается, что план выражения в данном случае влияет на план со-

---

¹⁰²Needham J., *Science and Civilisation in China*. Cambridge University Press, 1998, p.33.

держания. Иными словами, то, как написан иероглиф, влияет на то, как он будет понят.

Что же возникает в голове у китайца при столкновении с иероглифом? В алфавитных языках графические изменения в написании слова не приводят к тому, что человек воспринимает смысл с оттенками. Невозможно при записи слова «дорога» нарисовать сверху гору, чтобы при восприятии знака субъект считывал смысл «горная дорога», для этого необходимо написать эпитет отдельно. В китайском языке этот смысл укладывается в один иероглиф. Так, смотря на иероглиф, он сразу воспринимает образ, в нём заложенный. Содержание знака само смотрит на субъект через графическую форму, ему не нужно продираться сквозь слои зашифрованных в письме смыслов, как это происходит в алфавитных языках. Таким образом, сращен-

ность смысла знака и его графической формы влияют на характер самого смысла. Этот процесс аналогичен процессу восприятия картины. Смотря на неё, субъект считывает изображённый образ. В его голове не возникает понятие, а возникает такая же картинка. Здесь скрывается главное отличие китайского языка от алфавитных.

В алфавитных языках содержание знака возникает в голове у субъекта как понятие, как совокупность представлений об описываемом феномене или предмете. Считываемое субъектом значение знака носит абстрактный характер. Его можно выразить вербально, дать ему определение. В китайском языке всё обстоит иначе. При восприятии плана содержания знака у китайца в голове не возникает никакого понятия. В алфавитных языках при столкновении со знаком, субъект может

не считать смысл, если ему не знакомо это слово в принципе, так как графический план выражения сам по себе никакого смысла не имеет. Поэтому, чтобы понять слово, человек должен прочесть его определение в словаре. Так, в его сознании конкретный знак привязывается к конкретному смыслу и прочитанное определение формирует представление об описываемом явлении или объекте. В китайском же языке письменный знак имеет смысл сам по себе. Некоторые иероглифы до сих пор сохранили в себе пиктографические черты, и по их внешнему виду китаец может догадаться об их содержании. Тогда в его сознании возникает просто образ, картинка. Китаец не выделяет из явления его суть, не формирует понятие об этом явлении. При столкновении со знаком в сознании субъекта всплывает конкретная ситуация, связанная с использовани-

ем предмета, который изображается этим знаком. Если же слово отражает не предмет и даже не действие, а нечто более абстрактное, то в сознании китайца всплывают примеры употребления этого слова. При восприятии знака сознание китайца, конструируя смысл, воспроизводит предыдущий чувственный опыт. Если субъект сталкивался с предметом, то в его сознании всплывает образ конкретного предмета. Значит, в сознании китайца возникает не абстрактное понятие, а образ, носящий чувственный характер.

В алфавитных языках при восприятии субъектом значения слова происходит выход за рамки чувственного опыта и теоретическое построение понятия, трансцендентного чувственной материи знака (плану выражения). В китайском языке и план содержания, и план выражения знака носят чувственный

характер. Поэтому значение слова воспринимается китайцем не как нечто трансцендентное человеческому миру, а как его продолжение, как продолжение чувственного опыта. Как следствие, в сознании китайцев не сформировалось противопоставления чувственного — рациональному, материального — идеальному. Эта специфика китайского сознания наложила отпечаток на их мировоззрение и культуру, в которых не сформировались представления о чём-то идеальном, находящемся вне материального мира.

Так, в основе китайского мировоззрения лежит представление о тождестве человека и космоса (Неба). Мир воспринимается единым и неделимым. В сознании китайцев даже самые тонкие божественные сущности представляются частью материального мира. Однако правильнее сказать, что ничто не яв-

ляется трансцендентным, так как в сознании китайцев даже не было таких категорий как материальное и идеальное. Тот факт, что китайская культура всегда оставалась светской, не связан с высокой терпимостью китайцев, а связан с тем, что никакую религию они не могли воспринять так, как другие народы. В Китае всегда считалось нормой быть приверженцем идей различных религий и вместе с традиционными китайскими ритуалами и обрядами выполнять ритуалы и обряды, присущие какой-либо из конфессий (даосизм, буддизм и даже христианство). В религии китайцы воспринимали только внешнюю обрядовую сторону, так как никакие идеи, связанные с душой, просто не могли быть восприняты. Тот факт, что китайцы не обладали душой¹⁰³,

---

¹⁰³ В понимании христианина.

ещё необходимо осмыслить и проанализировать в контексте всей китайской культуры.

Естественное ограничение китайского мышления

Потомкам Первокитайца, как никому другому, тяжело освоить свою письменность. Их предок придумал для них громоздкую, изобилующую иероглифами письменную систему, в которой количество графических знаков превышает несколько сот тысяч. Такое огромное число символов запомнить для одного человека не представляется возможным, объём его памяти просто не позволит этого сделать. Всё, что он может, так это со школьной скамьи заучивать и непрерывно повторять иероглифы, их звучание и смысл. Посколь-

ку освоение иероглифического письма зависит от объёмов человеческой памяти, то процесс записи и прочтения также основывается на ней. Для того, чтобы записать смысл, необходимо вспомнить некогда заученную графическую форму для его обозначения. Другими словами, смысл заставляет всплыть в памяти соответствующий ему иероглиф, т.е. сначала происходит припоминание графической формы, после чего следует её запись. При чтении иероглиф выступает указателем на смысл, который когда-то был заучен вместе с графической формой, т.е. при виде иероглифического знака происходит узнавание его значения. Узнавание и припоминание в письме основываются только на объёме знания иероглифов. Если какой-то иероглиф не был выучен, то его употребление становится невозможным, что существенно обедняет как пись-

менную, так и устную речь.

Как известно, бедная речь идёт рука об руку со слабо развитым мышлением. Почему же это так? Было установлено, что речь и мышление имеют общий элемент. Им является слово с его внешним речевым и письменным выражением и внутренним смысловым содержанием. Оно представляет собой неразложимое единство процесса мышления и речи. Если исключить из акустического образа слова его значение, то получится пустой, ничего не выражающий звук. Т.е. значение есть необходимая компонента феномена речи. В то же время его образование в голове человека есть «самый специфический, самый подлинный, самый несомненный акт мысли»¹⁰⁴. Таким образом, значение оказывается феноме-

---

¹⁰⁴Выготский Л. С. Мышление и речь. М. 1999

ном словесной мысли так же, как и феноменом осмысленного слова. В нём заключается единство мысли и слова. Это характерно не только для слов, используемых в устной речи, но и для их графических форм, особенно если эти формы играют решающую роль в формировании слов. Так значение иероглифического знака оказывается феноменом мышления в той мере, в какой мысль связана с иероглифом и воплощена в нём. Значение есть не что иное, как феномен иероглифической мысли или осмысленного иероглифа, оно есть единство иероглифа и мысли. Следовательно, значение иероглифа выступает как акт мысли и является содержанием мышления. Мыслительный процесс опирается на языковые смыслы, выражаемые в иероглифическом письме, но поскольку человеческая память ограничивает возможность

владения иероглифами, то вместе с ней ограничивается возможность обогащения мышления за счёт новых смыслов. Так возникает феномен естественного ограничения мышления. Речь не идёт о загнанном в жёсткие рамки мыслительном акте. Он ограничивается через опосредованное влияние памяти, которая накладывает определённые рамки, хотя они достаточно динамичны, чтобы позволить мышлению развиваться. Раздвижению рамок мышления способствует совершенствование навыков письма, что позволяет увеличить объём знания иероглифов и передаваемых ими смыслов. Усвоение новых смыслов позволяет расширить естественные границы мышления. Такой же процесс происходит и с их сужением. Утрачивая навык письма, забывая иероглифы и их значения, субъект существенно сужает возможности мыслительного

процесса.

Главная сложность в том, что для освоения «наследия», оставленного Первокитайцем, необходимо затратить много времени и сил, которые в дефиците у любого человека. В промежутках между играми, взрослением, воспитанием детей, возделыванием грядок, заработком денег и, конечно же, пусканием воздушных змеев не всегда удаётся найти 5–6 лет, столь необходимых для всех, чтобы научиться писать и читать. В европейских странах для овладения алфавитным письмом требуется год, в то время как в Китае с его иероглификой приобрести устойчивый навык письма нельзя даже за 4–5 лет обучения. Но не только время оказывается преградой на пути к образованности и просветлённости, палки в колёса успешно ставит само письмо. Его особенность не позво-

ляет наполнить учебники китайской начальной школы таким же объёмом информации, который является нормой в странах с алфавитным письмом. Учебники начальной школы в европейских странах в шесть раз богаче содержанием, чем аналогичные учебники в Китае или Японии. Анализ перевода советской хрестоматии на китайский язык, проведённый в 50-х годах, показал, что в ней содержится 730 тысяч слов, а в переводе хрестоматии за 1977 г. уже содержалось 830 тысяч слов. Между тем, в китайской хрестоматии для начальных классов средней школы содержится приблизительно 120 тысяч слов и нет ни одного отрывка из оригинального текста литературных классиков.

По разным причинам не все в Китае могут окончить начальную школу, очевидно, что получить достаточный уровень владе-

ния письмом также доступно не для каждого. Однако даже те, кому это удаётся, вынуждены постоянно контактировать с большим потоком письменных источников, иначе укрепление и расширение навыков письма просто невозможно. Большинство же носителей языка ограничиваются имеющимися у них школьными знаниями письма, впрочем, некоторые могут частично или полностью утратить и их.

Глава 3

Китайский язык и отсутствие теоретических наук

В то время, когда в Древней Греции философы проводили время в праздных рассуждениях, в Китае уже был изобретён арбалет. Тем не менее, из «пустых» разговоров о красоте, добре, справедливости, мироздании и

тому подобных, вышла вся западноевропейская культура. Уже в Античности была разработана логика и было дано начало многим наукам. В дальнейшем это наследие послужило основой для прорыва человеческого разума к научно-техническому прогрессу. В Китае же изобретение арбалета не привело ни к каким последствиям, кроме усовершенствования процесса ведения войны. Затем было сделано ещё много изобретений: компас, бумага, книгопечатание, порох — однако, теоретические науки так и не появились. В 20 веке многие учёные пытались найти ответ на вопрос, почему несмотря на все открытия, китайская наука не строила теорий, почему она не развилась до научно-технической революции. Одни придерживались точки зрения, что прогрессу науки мешала политиче-

ская система Китая¹⁰⁵, другие — что причиной были культурные факторы¹⁰⁶.

Авторы данной книги видят виной всему китайский язык. В алфавитных языках план содержания не сращен с планом выражения. Смотря на слово, не знающий его смысл человек видит только буквы, то есть сочетание пустых знаков. Он может их прочесть, написать, но это не поможет пониманию. То есть смысл слова никак не привязан к плану выражения, между ними лежит огромная пропасть, которую субъект преодолевает каждый раз, продираясь сквозь буквы при чтении. Каждый раз, когда субъект считывает значение знака, он выходит за рамки чувственного опыта, за буквами или звуками он должен увидеть нечто. И это нечто

---

¹⁰⁵ Джон Фэйрбэнк.

¹⁰⁶ Джозеф Нидэм.

не образно, оно абстрактно. Для того, чтобы люди могли нормально коммуницировать друг с другом, они должны примерно одинаково понимать значения слов, в противном случае под словом «прямо» кто-то будет понимать «налево». Таким образом возникла необходимость определять общее для всех людей содержание понятий. При считывании плана содержания в сознании субъекта возникает понятие, совокупность представлений об отличительных признаках и свойствах какого-либо предмета или явления. В понятии выделяется общее для всех объектов, к которым оно применимо. Так, получается, что у какого-либо объекта реальности есть имя-слово, а в этом имени скрывается сущность этого объекта. Ведь при восприятии слова в сознании почти любого индивида возникают примерно одинаковые представления

об объекте. В итоге, слово содержит в себе две составляющих — материальную и идеальную: чувственно воспринимаемые буквы или звуки и некое возникающее в сознании понятие, которое нельзя ни потрогать, ни нарисовать. Именно здесь начинается удвоение мира на материальный и идеальный.

Исходя из нашей гипотезы графическо-лингвистической относительности, в китайском языке план содержания носит чувственный характер. В голове у субъекта возникает конкретный образ, основанный на личном чувственном опыте. Даже если человек сталкивается с иероглифом впервые, то он не будет для него пустым знаком. Форма иероглифа задаёт представление, возникающее в сознании. План выражения и план содержания сращены друг с другом и между ними не возникает разрыва при восприятии. Картинка

формирует воспринимаемый смысл также в виде картинки, поэтому в сознании субъекта предстаёт образ какого-то предмета, а не понятие. В сознании ста китайцев возникнет сто образов. Образы в чём-то будут похожи, так как они формируются за счёт получаемых из действительности чувственных данных, которые не сильно отличаются у этих ста китайцев. Однако главным здесь является то, что не возникает разрыва между чувственной материей знака и смыслом, о чём было сказано в прошлой главе. Значит, у какого-либо объекта реальности есть имя-слово, но в нём не скрывается сущности этого объекта, в нём скрыт лишь образ. Так не происходит этого удвоения реальности, не возникает такого понятия, как сущность вещи. Сущность вещи — это нечто идеальное, выходящее за рамки чувственного опыта, её нельзя увидеть, разо-

брав вещь. Однако в китайской культуре никакой сущности вещей не подразумевалось, так как изначально знак обладал пиктографической природой, то есть был зарисовкой реальных предметов, то он не был оторван от них. Между знаком и объектом не возникало дистанции, поэтому не возникло отношения к словам как к чему-то, существующему само по себе. Слова привязаны к объектам. В алфавитных языках слова являются словами, и привязка к объектам условна. Слово воспринимается как нечто, само по себе имеющее смысл и позволяющее через этот смысл познать сущность вещи, обозначаемой словом. То есть знак воспринимается как нечто, имеющее свой собственный смысл, а потому обладающее онтологическим статусом. Следовательно, знаки можно прочесть, проанализировать и достигнуть истины. Так возник-

ла модель отношения к миру как книге, которую можно прочесть и понять. Таким образом, знаки природы воспринимались как нечто, имеющее смысл само по себе и позволяющее разгадать законы природы.

Из-за того, что план содержания сращен с планом выражения, в китайской культуре не возникло необходимости выделения общего из класса предметов, так как знак прямо отсылал к объекту, им репрезентируемому. Специфика восприятия знака и лежит в основании неразвитости китайской науки. В сознании китайца не могло возникнуть представления, что знак содержит в себе некий истинный смысл, абстрактную идею, сущность вещи. Отсутствие абсолютных категорий также объясняется этим. Ведь чтобы создать какую-то абсолютную категорию, нужно выйти за пределы отдельных объектов и представить

себе некую идеальную модель, сочетающую в себе доведённые до крайности свойства реальных объектов или явлений. В китайской культуре даже не выделялись классы предметов, так как сознание китайца было неспособно на отделение от предмета его отличительных признаков.

***

Особенности китайского мышления всегда влияли на развитие китайской культуры. Так в Китае не получили своего развития логические идеи. Одним из первых учений, которое современные синологи относят к прото-логическим, было разработано Мо Ди. Однако специфика китайской культуры привела к тому, что его логические идеи были забыты, а социально-политические — развиты и положены в основу легизма и всей последую-

щей традиции управления народом. Другим примером влияния особенностей сознания китайцев на культуру можно назвать преобразование китайцами буддизма в соответствии со спецификой китайского прагматического мировоззрения. Примеров того, как китайская культура поглощала и трансформировала различные идеи, можно привести множество, но главным является тот факт, что эта специфика никуда не исчезла.

Послесловие

Китай уже давно проник в повседневную жизнь любого россиянина. Он сталкивается с ним, покупая продукты питания, одежду и многое другое, произведённое в этой стране. Однако Китай уже давно перестал изготавливать только ширпотреб. Стремительно растущая китайская экономика производит не только игрушки, но и буровые установки, двигатели, электронную технику и т.д. Китай прочно занял своё место в международ-

ной политике и экономике и старается выбить из кресел других участников этого процесса.

В публичном пространстве нашей страны люди высказывают различные точки зрения по отношению к Китаю. Условно, всех можно разделить на два типа: первые одобряют, высказываются о стране положительно; вторые — негативно. Позитивно настроенные кричат о том, что Китай совершил прорыв в экономике: за 30 лет построили страну, современные темпы развития которой являются одними из самых высоких в мире. Некоторые даже подчас восхваляют, и немаловажную роль в этом играет китайская культура. Каллиграфия, тайцзицюань, философия, поэзия — всё это затуманивает мозг современным учёным, и большинство из них считает Китай великой страной из-за богатой и интереснейшей культуры. С противоположного края кричат

о «китайской угрозе» или «жёлтой опасности». Сторонники этой позиции считают, что Китай опасен для нашей страны, потому что уже сейчас китайцы активно переселяются на наши территории, подчас живя и работая на нелегальных основаниях. Более того, в будущем растущему населению Китая будет не хватать места для проживания внутри страны, что вкупе с непрекращающимся экономическим ростом приведёт к политико-экономической экспансии за счёт территорий РФ. Иными словами, они считают, что в скором времени китайцы захватят часть России. Общество структурируется вокруг своего отношения к «китайской угрозе». Главная проблема заключается в том, что сторонники и противники этой позиции проецируют всю ситуацию на уровень национальности. Одни считают, что китайцы — хорошие, другие —

что враги. Первые стараются обелить китайцев и выставить их в хорошем свете, вторые — наоборот. Между тем, китайцы сами по себе тут ни при чём. Во-первых, китайская культура действительно очень разнообразна и интересна, но это не означает, что современные китайцы являются её носителями и ретрансляторами, а даже если и были, это тем более не значило бы, что они «хорошие» и, что никакой «китайской угрозы» нет. Во-вторых, статистика и факты показывают, что китайцы уезжают на заработки в Россию, и некоторые из них нелегально живут в нашей стране, занимаются коммерческой деятельностью, а иногда и преступностью. Тем не менее, тот факт, что они едут в нашу страну на заработки, сам по себе не является чем-то экстраординарным, иначе можно было бы говорить и о таджикской или кавказкой угрозе. Угроза же

заключается в том, что этот поток провоцируется со стороны КНР и не контролируется со стороны нашего государства. Однако если россияне начнут ненавидеть китайцев, это никак не изменит ситуации.

В своей книге мы хотели показать, что «китайская угроза» имеет и культурное измерение. Нравственная и гуманная личность не может сформироваться в китайцах из-за их авторитарной культуры. Если у человека отсутствует совесть, как можно быть уверенным в его поступках? В таком контексте, китайцы уже могут представлять угрозу всему миру. Вместе с тем, китайская культура является врагом и для самих китайцев. Лишая их субъектности, и не давая развиваться свободной личности, в конечном итоге она лишает их счастья.

Библиография

1. Авдиев В.И. История древнего Востока, лекции в высшей партийной школе. М., 1940.
2. Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.
3. Антология даосской философии. М., 1994.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. М. 1990.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика М., 1989.
6. Блонский П.П. Память и мышление М., 2007.

7. Бунаков Ю. Гадательные кости из Хэнаня. Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП. М.–Л., 1935.
8. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского учёного. М., 2000.
9. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.
10. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.
11. Васильев Л.С. Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
12. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1999.
13. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. М., 1982.
14. Георгиевский С. Кормление усопшего // Всё о Китае. Т.1. М., 2001.
15. Георгиевский С. Положение жены после смерти мужа. Посмертные браки // Всё о

Китае. Т.1. М., 2001.

16. Георгиевский С. Верование в продолжение существования души человека после его смерти // Всё о Китае. Т.1. М., 2001.

17. Георгиевский С. Обряд навешания усопшего // Всё о Китае. Т.1. М., 2001.

18. Го Можо. Философы древнего Китая. М. 1961.

19. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психоллингвистики. М., 2001.

20. Гранэ М. Китайская мысль. М., 2004.

21. Гриневич П.А. К вопросам истории китайского феодализма. «Проблемы Китая» №14 1935.

22. Грубе В. Китайский язык и письмо. Всё о Китае. М., 2001.

23. Гулик ван, Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае. СПб., 2000.

24. Дао Дэ Цзин. Книга Пути и Благодати.

М., 2006.

25. Деррида Ж. О грамматологии М., 2000.

26. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.

27. Демидов В. Как мы видим то, что видим? М., 1987.

28. Доменак Ж.-А., Хуа Шанмин. Семейные отношения в Китае: Пер. с фр. М., 1991.

29. Древнекитайская философия. Собрание текстов. Т. 1–2. М.: 1972–1973.

30. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.

31. Думан Л.И. Очерк истории Китая//Китай. История, экономика, культура, борьба за национальную независимость. М.–Л., 1940.

32. Духовная культура Китая: энциклопедия. [Т. 1:] Философия. М., 2006.

33. Духовная культура Китая: энциклопедия. [Т. 5:] Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009.

34. Дюмулен Г. История дзэн-буддизма: Индия и Китай. СПб., 1994.

35. Зинин С.В. О структуре коррелятивного мышления в Китае. М., 1988. Иванов В.В. Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М, 1978.

36. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1897). М., 1960.

37. Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системного анализа). М., 1986.

38. История китайской философии. М., 1989.

39. История Китая: учебник. М., 2002.

40. Карапетьянц А. М. Типология основных единиц китайского языка. М., 1992.
41. Карапетьянц А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий. // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982.
42. Кант И. Критика чистого разума М., 1994.
43. Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
44. Книга правителя области Шан (Шанцзюнь шу)/Пер. с кит. вст. ст. и коммент. Л.С.Переломова. М., 1968.
45. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.:, 1994.
46. Кобзев А.И. Современное состояние историко-философской науки в КНР // Общественные науки в КНР. М., 1986.

47. Кобзев А.И., Зинин С.В. Концепции китайских учёных // Современные историко-научные исследования: наука в традиционном Китае. Реф. сб. М., 1987.

48. Кокин М., Папаян Г. «Цзинь тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930.

49. Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977.

50. Конфуций. Лунь Юй. Пер. Переломова Л.С. М., 2001.

51. Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982.

52. Крушинский А.А. Стил мышления древнего Китая: логико-методологический аспект. М., 2009.

53. Крымов А.Г. Дискуссия о докапиталистических отношения в Китае в 20-х–30-х годах // Проблемы докапиталистических общества в странах Востока. М., 1971.

54. Крюков М. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
55. Крюков М.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века. М., 1984.
56. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
57. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
58. Макартни Дж. В Китае убивают невест, чтобы обеспечить умерших холостяков жёнами в загробной жизни // The Times. 26.01.2007.
59. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. Киев, 2003.
60. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
61. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т.5 Пекин, 1977.
62. Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье (Разделы

«Ши хо чжи» из династийных историй). Пер. А.А.Бокщанина и Лин Кюнъи; вступ. статья и коммент. А.А.Бокщанина. М., 1980.

63. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков. М., 1982.

64. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.

65. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 2007.

66. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 22. Языкознание в Китае. М., 1989.

67. Общество и государство в Китае. Сб. статей. М., 1981.

68. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоения языка. Семиотика. М., 1983.

69. Пирс Ч. Начало прагматизма СПб., 2000.

70. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

71. Петров А.А. Очерк философии Китая // Китай. М.–Л., 1940.
72. Померанцева Л.Е. Поздние даосы. О природе, обществе и искусстве. М., 1979.
73. Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
74. Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. М., 1999.
75. Рубин В.А. Человек в древнекитайской мысли. М., 1968.
76. Рыбаков В.М. Преломление морали в праве: механизм «сянжунъинь». // альманах «Петербургское востоковедение», № 9. СПб, 1998.
77. Рыбаков В.М. Категория недолжных действий в Танском праве. // 21 научная конференция «Общество и государство в Китае», М.1990.
78. Рыбаков В.М. Функция, Статус и Пер-

сона в танском правовом мышлении. // «ПП и ПИКНВ» (письм. памятн. и пробл. изуч. к-рв-ка), 28 годичная сессия ЛО ИВ АН СССР М. 1985.

79. Рыбаков В.М. Понятие личности в танском праве. // «НАА», 1984.

80. Рычило Б.П., Солнцев М.В. Пекин. М., 2000.

81. Спивак Д. Л. Лингвистика изменённых состояний сознания. Л., 1986.

82. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Е-бург., 1999.

83. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. М., 2007.

84. Сафаров Г.И. Очерки по истории Китая. М., 1933.

85. Семанов В.И. Об исторической основе литературной периодизации // Проблемы периодизации истории литератур народов Во-

стока. М., 1968.

86. Струве В.В. Хрестоматия по древней истории. Т.1. М., 1936.

87. Тань Аошуан Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М., 2004.

88. Тань Аошуан. Локализация органов чувств в наивной картине мира китайского языка // Китайская картина мира. М., 2004.

89. Тань Аошуан. Человек и пространство // Китайская картина мира. М., 2004.

90. Тertiцкий К. М. Верования и обычаи китайцев. М., 1999.

91. Тёр-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

92. Тertiцкий К.М. Традиционная система ценностей у современных китайцев (конец 1970-ых–1980-ые гг.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / Ин-т этнологии и антропологии. М. , 1992.

93. Ткаченко Г.А. Хунь по //Духовная культура Китая. Философия. М., 2007.

94. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. М., 2007

95. Торчинов Е.А. Даосизм. СПб., 1998.

96. Трофимов В.Ю. Мифы письма // Ритуальное пространство культуры (тезисы международного научного форума). СПб., 2001.

97. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люйшуи»). Цзюани 1–8. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 1999.

98. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люйшуи»). Цзюани 9–16. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 2001.

99. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 17–25. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 2005.

100. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шуи»). Цзюани 26–30. Пер. и комм. Рыбаков В.М. СПб., 2008.

101. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. СПб., 1998.

102. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

103. Хоккет Ф. Проблема языковых универсалий. Новое в лингвистике. Выпуск 5.М.,1970.

104. Харнский К.А. Китай с древнейших времён до наших дней. Хабаровск, 1927.

105. Чжан Юн. Дикie лебеди: Три дочери Китая. СПб., 2008.

106. Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М., 1989.

107. Эволюция китайских иероглифов.

Шанхай., 1992.

108. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1965.

109. Ян Юнго. История древнекитайской идеологии. М., 1957.

110. Balazs Et. Chinese Civilization and Bureaucracy. Variations on a Theme. New York; London, 1964.

111. Chao Yuen Ren. Notes on Chinese Grammar and Logic // PEW. Honolulu, 1995.

112. Early Medieval China. Vol.1–6. 1994–2000.

113.   ENCYCLOPEDIA   OF
CONTEMPORARY CHINESE CULTURE.
Edward L.Davis. Routledge, 2005.

114. Graft D.A. Medieval Chinese Warfare. 300–900. L.-N.Y., 2002.

115. Huker Ch.O. Chinese History. A Bibliographical Review. Washington, 1958.

116. Johnson D. The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder, 1977.

117. Meanings of Violence: a Cross Cultural Perspective. Oxford: Berg, 2000.

118. Needham J., Science and Civilisation in China. Cambridge University Press, 1998.

119. State and Society in Early Medieval China. Stanford, 1990.

120. Steinhard N.Sh. Chinese Imperial City Planning. Homolulu. 1990.

121. The Book of Lord Shang, a classic of the Chinese School of Law, by Dr. J.J. Duyvendac. London, 1963.

122. The Cambridge History of China. Vol. 1. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220. Cambridge, 1986.

123. The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of civilization to 221 B. C. N.-Y., 1999.